

Затрогивая ту-же тему въ другихъ своихъ сочиненіяхъ, Цицеронъ приходитъ къ одному изъ вѣчныхъ вопросовъ въ адвокатурѣ: слѣдуетъ ли братья за такіе процессы, которые касаются важныхъ преступниковъ? ¹. Выносить ли доброе имя адвоката защиту дѣлъ сомнительныхъ? Отвѣтъ таковъ, какого слѣдовало ожидать отъ тонкаго и опытнаго практика. «Дѣло судьи — искать истины; адвокатъ можетъ взять подъ свою защиту вѣроятность невинности». И вотъ мотивы Цицерона: «народъ желаетъ, обычай допускаетъ, человеколюбіе требуетъ такой защиты».

Знаменитый адвокатъ очень ловко выходитъ изъ затрудненія. Строгіе принципы стоической честности требовали отрицательнаго отвѣта. Философское ученіе о морали могло только удовлетвориться полною вѣрою защитника въ юридическую невинность или нравственную правоту подсудимаго ². Но адвокату Ватинія, попавшаго въ кліенты къ Цицерону послѣ обвиненія тѣмъ-же самымъ ораторомъ, не приходилось держаться теоріи. Потому-то читаемъ мы сначала риторское обращеніе къ народному голосу, а за-тѣмъ уже болѣе убѣдительную ссылку на человеколюбіе. Во всякомъ случаѣ ясно, что къ числу обычаевъ республиканской адвокатуры принадлежала защита дѣлъ, допускавшихъ сомнѣніе въ виновности. Отсюда логически возмож-

¹ De officiis. 2. 84.

² Ср. любопытныя извлеченія изъ латинскихъ писателей у *Henriot*, l. c. III. p. 237 etc., гдѣ видно, что въ римскомъ обществѣ высказывались весьма категорическія осужденія защитѣ безчестныхъ дѣлъ. *Mala causa silenda est* etc. Но опредѣленіе признаковъ, по которымъ можно отличать безчестную практику, также неудовлетворительно у Овидія, Публия, Сира, Теренція, Квинтиліана и др., какъ у позднѣйшихъ писателей. Ср. *Laroche Flavin*, l. c. les avocats ne furent jamais introduits aux sièges de justice pour faire gagner les causes, quo jure quave injuria, ains (mais) pour esclaireir le droict à celui seulement qui l'a» etc.

но другое правило у защитников той эпохи: не стремясь къ безусловному оправданію каждаго подсудимаго, помогать примѣненію смягчающихъ обстоятельствъ¹.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что было бы несправедливымъ допускать полное отсутствіе адвокатскихъ правилъ въ республиканскомъ періодѣ. Напротивъ, незамѣтною силою обычая, установился такой образъ дѣйствій, который сообщиъ извѣстное единство совершенно вольной профессіи. Отсутствіе корпоративной связи не исключило взаимности, естественно возникающей между людьми одного дѣла. Вотъ почему показалось намъ возможнымъ остановиться на зачаткахъ внутренняго дисциплинарнаго устройства римской адвокатуры. Различныя причины, лишь отчасти доступныя позднѣйшему изслѣдованію, скоро прекратили органическое саморазвитіе учрежденія. Но не смотря на это, обычай и практика республиканскаго періода установили немногія отдѣльныя правила, принятія преторскимъ эдиктомъ и позднѣйшимъ законодательствомъ. Обычай создалъ подготовку у опытныхъ адвокатовъ, что замѣняло, въ извѣстной степени, современный искусъ (stage) и конференцію. Тѣмъ же путемъ возникло различіе между защитниками-юриконсультами и защитниками-ораторами, что встрѣчается въ адвокатурѣ новоевропейскихъ народовъ. Практика привела къ установленію различныхъ категорій дѣлъ, изъ которыхъ одни считались удобными для начинающихъ, а другія — для опытныхъ ораторовъ. Наконецъ, республиканское вольное занятіе защитой остановилось передъ серьезнымъ вопросомъ объ адвокатской нравственности. Результаты эти незначительны. Ни кому не придетъ въ голову выкраивать изъ нихъ полный сводъ адвокатскихъ правилъ. Но исторіи важно знать, что первые ша-

¹ У Генрію (I. с.) есть нѣсколько извлеченій изъ литературныхъ памятниковъ, которыми подтверждается предположеніе о подобныхъ приѣмахъ у римскихъ адвокатовъ.

ги римскаго сословія защитниковъ направлены къ жизненнымъ вопросамъ для всякой адвокатуры. Послѣдующее изложеніе укажетъ, на-сколько вопросы эти разрѣшены въ эпоху, которая имѣла гораздо болѣе средствъ для регламентаціи.

За изложеніемъ тѣхъ условій, при которыхъ дѣйствовали защитники, естественно слѣдуетъ вопросъ о положеніи адвоката на судѣ. Не отыщется ли здѣсь сходство между Римомъ и Греціею?¹ Процессъ въ преторскихъ инстанціяхъ VI-го и VII-го столѣтій былъ такимъ-же состязаніемъ противниковъ, какъ въ древніе годы. Но, мѣсто символическихъ словъ и дѣйствій самихъ тяжущихся, заняла свободная рѣчь адвокатовъ. Въ уголовныхъ процессахъ, подсудимый, окруженный своими родственниками, друзьями, совѣтниками и тѣми лицами, которыя называются «хвалителями», также былъ настоящимъ кліентомъ своего адвоката. Главная роль принадлежала адвокату. Подсудимому оставалось только присоединить къ ораторскому убѣжденію мольбу о пощадѣ. Римскій адвокатъ выступалъ открытымъ защитникомъ и принималъ на себя всѣ послѣдствія такого отвѣтственного положенія. Ему не нужно было скрывать своего соучастія въ дѣлѣ, какъ логографу, или являться лишь съ разрѣшенія судей, какъ синегору. Мало этого: съ VII-го столѣтія, римляне перестали довольствоваться однимъ адвокатомъ. Цицеронъ, защищая Клуэнція безъ участія другаго адвоката, замѣчаетъ, что «таковъ былъ старый обычай профессіи»².

Обыкновенно, въ дѣлахъ выступали двое и даже болѣе ораторовъ. Тацитъ говоритъ, что количество защитниковъ не огра-

¹ Таково мнѣніе нѣкоторыхъ писателей относительно цѣлаго процесса. Ср. *Göll, Kultur-Bilder aus Hellas und Rom. 144. Die gerichtlichen Formen waren den griechischen ähnlich etc.*

² *Se totam causam veteri instituto solum perorasse.*

ничивалось законом¹. Схолиасты доводятъ число ихъ до 12-ти человекъ; но достоверно, что въ знаменитыхъ процессахъ республиканскаго періода бывало отъ трехъ до шести адвокатовъ. Изъ анналовъ (III, 11, 13) видно участіе 3-хъ ораторовъ въ одномъ дѣлѣ при Августѣ. Еще позже, Плиній (III, 9) приглашаетъ къ себѣ сотрудника по важному дѣлу португальскихъ провинціаловъ противъ проконсула.

Весьма возможно, что въ подобныхъ случаяхъ защита распредѣлялась между товарищами, по соображенію взаимной опытности и дарованій. Одинъ владѣлъ яснымъ и сжатымъ изложеніемъ фактовъ; другой не находилъ соперниковъ въ юридическомъ разборѣ доказательствъ; третій, одаренный силою живаго и образнаго слова, былъ удачнѣе всего въ заключеніи.

Рѣчь римскаго адвоката въ республиканскомъ періодѣ не подвергалась стѣсненію во времени. Тацитъ категорически высказываетъ это. Адвокаты говорили по четыре и по пяти дней. Рѣчи, длившіяся нѣсколько часовъ, случались еще чаще. Дисциплинарная власть сановниковъ и судей во время засѣданія была велика. Но кромѣ строго-срочныхъ дѣйствій, соединенныхъ съ выдачею формулы по гражданскому дѣлу (*in iure*)², сами преторы не пользовались правомъ пріостановить рѣчь адвоката. Тѣмъ понятнѣе, если въ уголовныхъ комиссіяхъ возникъ и крѣпко задержался обычай, отклонявшійся отъ строгой буквы XII таблицъ³. Въ процессахъ, гдѣ шла рѣчь о потерѣ важныхъ правъ гражданскихъ (*crimina capitalia*), дѣловые римляне отдавали предпочтеніе пространной рѣчи передъ краткою. Самъ Цицеронъ лишь въ теоріи одобрялъ лаконизмъ, а

¹ Dial. de or. 38: Et numerus neque dierum, neque patronorum finiebatur etc.

² Ср. Bethmann-Hollweg, l. c. II. 203 etc.

³ Ab ortu ante meridiem causam conjecito, cum perorent ambo praesentes.

на дѣлѣ держался иного правила. Законодательство и судебная практика видимо склонялись къ такому взгляду, что защита, несѣшенная временемъ, благопріятствуетъ полному раскрытію истины. Писатели первыхъ вѣковъ имперіи, глубоко проникнутые лучшими преданіями предковъ, проводятъ мысль объ опасныхъ послѣдствіяхъ отъ излишней сжатости въ судебной рѣчи: «я считаю измѣной противъ кліента, говоритъ Плиній, если адвокатъ обходитъ то, о чемъ долженъ сказать, если онъ лишь скользитъ надъ тѣмъ, что нужно повторять и запечатлѣвать» и пр.¹

Отсюда слѣдуетъ, что, по духу кореннаго римскаго процесса, свобода адвокатской рѣчи главнымъ образомъ ограничивается сущностью дѣла и законными интересами кліента. Въ совершенномъ согласіи съ такимъ началомъ, предписывается судьямъ уваженіе къ адвокатскому слову великими юристами имперіи². По всѣмъ этимъ причинамъ, преторы и судьи комиссій давали полиѣйшій просторъ состязанію защиты съ обвиненіемъ. Особенною льготою пользовалось заключительное преніе (*altercatio*), отъ котораго, въ большинствѣ случаевъ, зависѣлъ исходъ дѣла. Римлянинъ, любя краснорѣчіе, болѣе всего убѣждался юридическимъ доводомъ. Не голое изложеніе фактовъ, перемежаемое съ нравственными афоризмами и личными выходками, нужно было римскимъ судьямъ.

Въ гражданскомъ процессѣ, юридическій анализъ необходимо

¹ Ср. *Ep. I. 20*. Въ любопытномъ письмѣ этомъ читаются еще слѣдующія слова: «*Adsunt huic opinioni meae leges, quae longissima tempora largiuntur, nec brevitatem dicentibus, sed copiam, hoc est, diligentiam, suadent... Adjiciam quod me docuit usus, magister egregius*» etc.

² *De offic. procons.* «*Circa advocatos patientem esse proconsulem oportet*». Ср. *Plin. Ep. VI. 2*. «*Temerarium existimo divinare, quam spatiosa sit causa inaudita*» etc.

преобладалъ надъ фактическимъ элементомъ, въ силу формулярной системы. Преторъ не опредѣлялъ *in concreto* даннаго случая, но только указывалъ общія основанія для окончательнаго рѣшенія. Особенно живую и спеціальную аргументацію должны были вызывать дѣла, гдѣ формула держалась законодательнаго приѣма (на основаніи власти *supplendi, adjuvandi et corrig. jur. civ.*, которая была у претора). Въ процессахъ уголовныхъ, очень часто весь интересъ сосредоточивался на альтеркаціи (*pugna decretoria*, по выраженію Квинтилиана), гдѣ, въ перекрестномъ состязаніи, защита пыталась нанести послѣдній ударъ доводамъ обвиненія. Несомнѣнно, что адвокатская рѣчь и альтеркація пользовались тою же свободою, если дѣло, по неясности его для присяжныхъ, переносилось на слѣдующее засѣданіе¹. Бывали примѣры, что къ оратору, который велъ главное обвиненіе, присоединялись товарищи (*subscriptores*). Этимъ уравнивалось право обвиняемыхъ вводить въ состязаніе всѣхъ своихъ защитниковъ. Такъ, въ одномъ изъ процессовъ, Цицеронъ и товарищъ его М. Юніусъ ведутъ борьбу противъ Гортензія съ неменѣе знаменитымъ адвокатомъ Филиппомъ².

Подобный порядокъ долженъ былъ оказать существенное вліяніе на форму защиты и на отношенія адвоката къ судьямъ. Тацитъ называетъ, въ одномъ мѣстѣ, «книгами» рѣчи римскихъ ораторовъ. Большинство объемистыхъ произведеній Цицерона, которыя дошли до нашего времени, значительно сокращены самимъ авторомъ, при письменномъ переложеніи импровизаціи. Продолжительностью состязанія объясняются обычаи, неизвѣстные на судахъ у другихъ народовъ. Когда «непрерывная рѣчь отъ утра до поздней ночи», по выраженію древняго писателя³,

¹ *Tacitus*, I. c. 37. «*Et liberae comperendi - nationes erant, et modum dicendi sibi quisque sumebat*» etc.

² *Pro P. Quintio*.

³ *Perpetuus sermo nigra noctis ad umbram*.

приводила въ изнеможеніе адвоката: выступали такъ называемые «замедлители» (*moratores*). Обязанностью ихъ было продолжать защиту до той минуты, когда снова вступалъ въ бой главный ораторъ.

Раздѣленіе труда принимало иногда болѣе оригинальную форму. Не однѣ звѣзды первой величины блистали въ республиканской адвокатурѣ. Возлѣ Цицероновъ, Л. Крассовъ и другихъ, толпились на судахъ дюжинные и бездарные люди. Изъ нихъ набирались адвокатскіе пролетаріи и чернорабочіе, которые принимались за ремесло главнымъ образомъ по внушенію голода. Къ этому разряду защитниковъ относятся злые выраженія Цицерона: «кляузный дѣлецъ» (*causidicus*), «лаятель на клепсидру» (*latrator ad clepsydrum*). Ихъ сравниваетъ М. Туллій съ дерзкими пловцами, «которые садятся на большіе корабли, не умѣя управлять лодкою». Они же, по словамъ его, «ввязываются въ важные процессы у преторовъ и центумвировъ, не будучи въ силахъ отличить юридическое положеніе раба отъ состоянія свободнаго человѣка». Съ негодованіемъ клеймить знаменитый адвокатъ грубое невѣжество одного изъ низшихъ своихъ собратій (*advocati minores*)¹.

Въ подобныхъ случаяхъ, выручалъ изъ бѣды такъ называемый «подсказчикъ». Становясь за ораторомъ во время рѣчи (отсюда *monitor posticus*), лица эти должны были напоминать законъ или юридическій доводъ, упущенные главнымъ защит-

¹ De orat. I. 36. Адвокатъ истца (малолѣтняго, который судился съ безчестнымъ опекуномъ) потребовалъ вознагражденія, которое превышало законную мѣру (*in duplum*), чѣмъ уничтожилась самая претензія. Но защитникъ отвѣтчика (опекуна) многословно (*non minus longa oratione*) домогался подвести своего кліента подъ двойную уплату убытковъ, не подозревая, что буква закона снимала съ него всякую отвѣтственность. Ср. Ibidem I. 38 etc., гдѣ много любопытныхъ замѣчаній объ адвокатахъ.

никомъ. Судьи и преторъ никогда не мѣшались въ эти сдѣлки между многочисленными защитниками по каждому дѣлу. Свобода адвокатовъ не останавливалась предъ нападеніями на самыя органы правосудія. Въ рѣчахъ VII-го столѣтія встрѣчаются такія обращенія къ сановнику: «Скажи мнѣ, Метелль, развѣ это не подкупъ судей? Запугивать консульскою и преторскою властью свидѣтелей — въ-особенности сицилійцевъ, людей угнетенныхъ скорбью и робкихъ! Чего-же не сдѣлаешь ты для родственника или для безвиннаго, если измѣняешь собственному достоинству и забываешь объ обязанностяхъ ради преступнаго и чужаго человѣка?»¹.

Смѣлость такой апострофы поражаетъ въ наше время, хотя тонъ Цицерона значительно объясняется явною продажною судей. Не одни адвокаты страдали безнравственностью. Въ Римѣ, какъ и повсюду, крѣпость злоупотребленій зависѣла отъ круговой поруки беззаконія; члены присяжныхъ комиссій открыто торговали совѣстью. Изъ процесса Клуэнція видно², что обвиненный (Орріанікусъ) роздалъ по 40 тысячъ сестерцій шестнадцати судьямъ. Въ процессѣ Верреса, Гортензій придумалъ отмѣтить особенною краскою таблицы, на которыхъ писались мнѣнія. Остроумное средство это имѣло цѣлью провѣрить дѣйствіе подкупа. Отсюда понятенъ смыслъ другаго ядовитаго обращенія къ судьямъ у Цицерона: «Я могъ бы отвести этого человѣка, но предпочитаю видѣть его на мѣстѣ судьи, а не претора: пусть лучше, давши присягу, держитъ онъ въ рукахъ собственную таблицу, чѣмъ считаетъ, безъ присяги, чужія таблицы». Съ даль-

¹ In Verrem, Act. Prim. 10. «Quid est, quæso, Metelle, iudicium corrumpere, si hoc non est? Testes, præsertim Siculos, timidos homines et afflictos» etc.

² Pro Cluent. 27 ... «In consilium erant ituri iudices 32. Sententiis 16 absolutio confici poterat... Quadragera in singulos iudices distributo» etc.

нѣйшимъ развитіемъ рѣчи, растетъ обличительная смѣлость Цицерона. Онъ высказываетъ свою мысль, не стѣсняясь никакимъ опасеніемъ: «цѣлое сословіе (судей) угнетено безчестностію и дерзостью меньшинства.... Объявляю себя во всеуслышаніе врагомъ и неумолимымъ, неотвязнымъ обвинителемъ этого разряда людей».

Зная такія обращенія къ лицамъ, облеченнымъ властью, не трудно угадать, какъ держались адвокаты относительно противниковъ, свидѣтелей и т. д. Самъ Цицеронъ, остроумно обозвавшій извѣстную категорію защитниковъ (*latratores ad clepsydram*), впадалъ въ то краснорѣчіе, которое отмѣчено рѣзкимъ выраженіемъ древняго юриста Аннія Клавдія (*canina eloquentia*). Слабо оправдываясь необходимостью¹, позволялъ онъ себѣ брань и грубыя оскорбленія. Не всегда такое поведеніе черпало сомнительную силу свою въ важности иска или отвода. Повидимому, процессъ актера Росція по ничтожному дѣлу не могъ вызвать несчастную слабость адвокатовъ защищать, во что бы то ни стало, интересы кліентовъ. А между тѣмъ выходки Цицерона представляютъ первообразъ безнравственныхъ защитъ, гдѣ успѣхъ дѣла обусловливается очерненіемъ противника².

Плоскія шутки и остроты въ тонѣ плохой комедіи также могутъ найти для себя примѣры въ римской адвокатурѣ. Сюда подойдетъ выходка адвоката противъ свидѣтеля³ и даже об-

¹ *Ср. Orat. pro Tullio*, 5. «Nisi plane cogit (causa) ingratiis, ad male dicendum non soleo descendere» etc.

² *Orat. pro Roscio Comoedo* 7. «Faciem utriusque considerate. Nonne ipsum caput et supercilia illa penitus abrasa, olere malitiam et clamitare calliditatem videntur? Nonne ab imis unguibus usque ad verticem summum... ex fraude, fallaciis, mendaciis constare videtur?».

³ *Pro Caecina* 9; 10. «Non tam auctoritate gravi, quam corpore» etc.

щеизвѣстный каламбуръ въ процессѣ Верреса. Серьезнѣе, но еще безпощаднѣе нападенія Цицерона на сестру Клодія. Здѣсь безъ особенной нужды выставляются на позоръ двусмысленныя отношенія къ родному брату у женщины, «которая была по-другую всѣхъ мужчинъ»¹. Предъ этимъ ударомъ блѣднѣетъ скрытое нападеніе логографа на мать кліента изъ клановнаго семейства Пазіоновъ въ Аѳинахъ.

Справедливость требуетъ признать, что Цицеронъ, Л. Крассъ, Гортензій, Азиній Полліонъ и многіе другіе первоклассные ораторы не отличались желанною деликатностью къ товарищамъ по занятію. Нерѣдко одинъ адвокатъ укорялъ другаго въ безобразіи, въ незаконности рожденія и т. д. Наклонность къ оскорбительнымъ выходкамъ, изобличеніе семейныхъ тайнъ и частныхъ интересовъ у противника не смягчались тѣми строгими правилами, которыя введены ново-европейскимъ устройствомъ адвокатуры. Лишь изрѣдка высказывается идея, что единство занятій и общность интересовъ должны устанавливать взаимное уваженіе между адвокатами². Но это — чистая теорія, далекое осуществленіе которой выпало на долю «рыцарей правовѣдѣнія» (*chevaliers-ès-lois*) во Франціи.

Такъ выразилась обратная сторона свободы, которою пользовалась защита на судѣ преторовъ. Но выгодное вліяніе римскихъ обычаевъ не всегда пересиливалось злоупотребленіями великаго начала. Адвокатъ, стоявшій въ уровень съ истиннымъ

¹ Pro Coel. 13. «Quod facerem vehementius, nisi intercederent mihi inimicitiae cum istius mulieris viro: fratrem volui dicere; semper hic erro... Neque enim muliebres umquam inimicitias mihi gerendas putavi, praesertim cum ea quam omnes semper amicam omnium putaverunt» etc.

² Ср. Cic. Pro Tullio I.—Pro Cluentio, 28, 29, 40. Pro Murena 9. Quintilian. XII; 9, 11... Inhumanum est respectu communium officiorum etc.

своимъ назначеніемъ, имѣлъ такіе шансы, какихъ не представляетъ процессъ у прочихъ народовъ древняго міра. Открытое произнесеніе рѣчи вмѣсто подсудимаго давало полный просторъ дарованію. Ораторъ, который отвѣчалъ за каждое слово предъ взыскательнымъ судомъ согражданъ, въ силу этого, долженъ былъ глубоко и серьезно относиться къ дѣлу. Защита становилась общественною работою, на которой сосредоточивались всѣ способности и вся энергія адвоката. Стройность, логичность и юридическія достоинства рѣчи были здѣсь возможныѣе, нежели въ защитѣ, которая ведется по чужому тексту, или является дополненіемъ къ сужденію главныхъ сторонъ.

Но это не все. Адвокатура извлекла другія выгоды изъ начала свободы. Въ древнемъ періодѣ установилось правило, что рѣчи должны произноситься до представленія и разбора доказательствъ. Серьезные писатели полагаютъ, будто въ этой мѣрѣ проявлялось желаніе ослабить дѣйствіе адвокатскаго краснорѣчія. Не легко рѣшить, справедливо ли подобное предположеніе. Но вѣрно одно: защитникъ, который не присутствовалъ при собираніи матеріаловъ для обвиненія, находился въ затруднительномъ положеніи. Необходимо было устранить такое серьезное препятствіе. Какъ же произошелъ переворотъ, имѣющій громадное значеніе для адвоката? Въ силу прецедента, установленнаго Цицерономъ¹. Защищая сицилійцевъ противъ Верреса, онъ впервые отступилъ отъ прежняго порядка, подкрѣпивши свои положенія доказательствами, представленіе которыхъ суду было впереди, по буквѣ древняго закона. Послѣ этого, начали предпосылать показанія свидѣтелей рѣчамъ обвинителя и обвиняемаго. Установился обычай перекрестнаго допроса, который обращенъ былъ въ общее правило формальнымъ

In Verrem. Act. prima. XVIII. «Illud a me novum, Judices, cognoscetis, quod ita testes constituam, ut totum crimen explicem» etc.

закономъ. Позволительно сомнѣваться, чтобы подобное явленіе возможно было въ греческой адвокатурѣ.

Вообще, основное начало защиты, отношеніе къ кліентамъ, значеніе и форма рѣчей, положеніе адвоката на судѣ: во всемъ этомъ видна совершенная противоположность между Аѣинами и Римомъ. Здѣсь господствуетъ изустная, открытая защита. Тамъ преобладаетъ письменное и тайное участіе адвоката.—Въ Римѣ, защитникъ заслоняетъ собою, въ минуту судоговоренія, личность подсудимаго. Устами адвоката высказываются все желанія и притязанія кліента.—Въ Греціи, подсудимый постоянно отодвигаетъ на второй планъ защитника, которому остается лишь дополнить то, что недостаточно выражено кліентомъ.—Въ Римѣ, адвокаты долго пользуются безграничною свободою¹. Въ Греціи, адвокатъ лишень всякой свободы, если онъ логографъ, и во всякомъ случаѣ имѣетъ ее въ меньшей мѣрѣ, если выступаетъ

¹ Говорятъ, будто греческій обычай клепсидры занесенъ былъ на римскій форумъ Сципіономъ Назикою. Вѣра въ, что Помпей, нѣсколько позже авреліева закона, слѣлалъ клепсидру обязательною для преторскихъ засѣданій. По-видимому, сила греческаго вліянія общала успѣхъ этому нововведенію. Проконсулы послѣдняго вѣка республики, не стѣняясь, произносили приговоры на пяти греческихъ нарѣчіяхъ. Это была утонченная месть образованныхъ римлянъ за насмѣшки надъ первыми попытками ихъ говорить языкомъ Перикла. Но не все дары данаевъ одинаково встрѣчались въ Лаціумѣ. Повинуясь сильному тріумвиру, форумъ допустилъ клепсидру безъ вредныхъ послѣдствій для достоинства и независимости защиты. Не отъ претора и не отъ судей зависѣло время состязанія при господствѣ того правила, что защита можетъ длиться на $\frac{1}{3}$ болѣе противъ обвиненія. Ср. *Tacitus*, l. c. «*Primus hæc, tertio consulatu, Pompejus astrinxit imposuitque veluti frenos eloquentiae*». Но далѣе Тацитъ замѣчаетъ: «*omnia in foro, omnia legibus, omnia apud praetores gererentur*». Здѣсь несомѣнна мысль, что законъ Помпея не нарушилъ основныхъ началъ преторскаго судопроизводства въ Римѣ.

какъ синегоръ. Работу логографа справедливо сравниваютъ съ монологомъ театральной пьесы, гдѣ дѣйствуетъ извѣстное лицо или типъ, но не самъ защитникъ. Рѣчь синегора есть только девтерологія. Для трехъ, четырехъ и болѣе защитниковъ не можетъ быть мѣста въ процессѣ, гдѣ издавна господствовало правило о клепсидрѣ и гдѣ неизвѣстны переносы дѣлъ на слѣдующія засѣданія (римскія *diffisiones, ampliationes etc.*).— Въ республиканскомъ Римѣ, кромѣ неизбѣжныхъ перерывовъ, въ формѣ запросовъ отъ судей или противниковъ, адвокаты не встрѣчали другихъ остановокъ. Въ Греціи, подсудимому приходилось умолять, чтобы указанъ былъ тотъ порядокъ, въ которомъ слѣдовало ему говорить¹. Показанія свидѣтелей отбирались и вносились въ рѣчь; но такимъ образомъ, что разборъ ихъ перемежался съ простымъ изложеніемъ фактовъ и ссылками на законы. До состязанія, обвиняемый не имѣлъ понятія о доказательствахъ своего противника. Не было обычая начинать защиту съ предварительнаго слѣдствія, производившагося, какъ въ Римѣ, частнымъ обвинителемъ.

При такихъ условіяхъ, неизбѣжно терялась послѣдовательность и трезвая сила защитительной рѣчи. Не трудно понять, какое вліяніе имѣли частныя обращенія греческаго оратора къ прагматикѣ: прочитавъ акты, ввести свидѣтелей для присяги, подвергнуть пыткѣ рабовъ и т. д. Подсудимый, которому никто не заявлялъ, до призыва на судъ, основаній для обвиненія, долженъ былъ впадать въ крайности. Или рѣчь, написанная логографомъ, не представляла серьезнаго возраженія, проходя вкривь и вкосъ мимо неугаданныхъ доводовъ противника. Тогда защита оказывалась вялою; или же возраженіе строилось на преувеличенномъ представленіи объ основаніяхъ для обвиненія. Тогда защита выходила филиппикою и — если можно

¹ Ср. *Meier u. Schömann*, I. с. 716, 718, 719.

такъ выразиться—проносилаь выше своей мѣты. Ораторъ забывалъ собственную роль и, бросивъ въ сторону невозможное для него опроверженіе, съ отчаяніемъ противопоставалъ иску встрѣчное обвиненіе. Въ подобномъ случаѣ процессъ представлялъ любопытное, но уродливое извращеніе истинной своей сущности. Сглаживались особенности отдѣльных, органическихъ частей его. вмѣсто правильного состязанія защиты съ обвиненіемъ, завязывалась, предъ многочисленными комиссіями присяжныхъ, отчаянная борьба двухъ ожесточенныхъ обвиненій. Понятно, отчего, изъ подобнаго столкновенія, рѣже чѣмъ въ Римѣ, выходила судебная истина.

И такъ, ясно слѣдующее: въ общемъ ходѣ своемъ, римскій процессъ развивался логичнѣе, чѣмъ у грековъ. Отношенія частей къ цѣлому были правильнѣе и цѣлесообразнѣе. Защита и обвиненіе установились съ большимъ соблюденіемъ начала равенства. Самыя отступленія отъ этого начала направлялись въ разныя стороны. Между тѣмъ какъ при греческомъ устройствѣ обвиненіе имѣло шансы передъ защитой, римскія учрежденія были благопріятнѣе для защиты. А главнымъ выводомъ изъ всего сказаннаго будетъ окончательное признаніе глубокаго различія между греческою и римскою адвокатурою.

Заключенія этого не ослабляетъ незначительное сходство греческихъ параклетовъ съ тѣми «хвалителями», которые находились, вмѣстѣ съ друзьями и родственниками, въ составѣ древней адвокаціи. Иногда защитники и судебная свита въ Римѣ дѣйствовали едва-ли не съ большею театральностію, чѣмъ въ Греціи. Траурныя и безпорядочно надѣтыя тоги, неубранные волосы, земные поклоны предъ судьями: подобныя приемы стобать, конечно, «жезла плачущихъ» предъ греческими дикастами. Сатирики и авторы разсужденій о краснорѣчій ярко выставляютъ недостатки адвокатскихъ приемовъ въ Римѣ. Наклонность южныхъ людей къ жесту весьма рѣзко проявлялась на форумѣ. Вертикальное поднятіе

или горизонтальный размахъ рукъ, возведеніе глазъ къ небу, удары въ грудь и т. д. были довольно обыкновенными средствами. Рѣже случались тѣ оригинальные приемы, за которые Плиній осмѣиваетъ извѣстнаго доносчика при Домиціанѣ, адвоката Регула. Бывали примѣры, что защитники подымали споры противъ тѣхъ, кто разстраивалъ красивую драпировку ихъ тоги. Съ этою театральною щепетильностью не согласовался обычай пить и ѣсть во время защиты. Особенно-много недостатковъ, почти непомысленныхъ для нашего времени, представлялось въ заключительной части рѣчи. Здѣсь ораторы, увлекшись декламаціею, доходили до комическихъ крайностей; носили по форуму малолѣтнихъ дѣтей, потрясали оружіемъ, которымъ совершенно преступленіе, выставляли на-показъ раны кліента и т. д.¹ Въ этомъ наблюдается сходная черта греко-римскихъ нравовъ, вызванная близостью принциповъ судоустройства. На пниксѣ и на форумѣ судили уполномоченные отъ народа, которымъ принадлежала политическая власть съ неизбѣжнымъ правомъ помилованія. Оттого не было у грековъ апелляціи на дикастовъ. По той-же причинѣ апелляція въ Римѣ организовалась лишь въ императорскомъ періодѣ. Но римскіе плакальщики, призванные для слезныхъ заявленій на судѣ, были еще менѣе адвокатами, чѣмъ параклеты. Въ Греціи, послѣ плохой личной защиты подсудимаго, которому не дали синегора, приходилось рассчитывать лишь на слезы родныхъ и похвалы параклетовъ. Въ Римѣ, впереди плачущихъ или хвалящихъ друзей, стоялъ адвокатъ и, не смотря на примѣсъ сценическихъ эффектовъ, всегда велъ серьезную юридическую защиту.

Вообще избытокъ силъ поражаетъ въ самыхъ порокахъ римской адвокатуры. Крѣпкій организмъ склоняется къ острымъ и

¹ Нѣчто подобное будетъ указано въ обычаяхъ и приемахъ французскихъ адвокатовъ до революціи 1789 года.

сокрушительнымъ недугамъ. По той-же причинѣ, хроническія язвы бываютъ глубже и опаснѣе. Не логографіей — этою невольною виной греческихъ софистовъ и законниковъ — грѣшили адвокаты въ Римѣ. Мелкая роль пособниковъ въ обманѣ судей чужою рѣчью была не по-плечу великанамъ римской адвокатуры. Въ цѣлой исторіи этого учрежденія насчитывается два, много три примѣра, когда писались подставныя рѣчи для другихъ¹. Преступленія на форумѣ крупнѣе, чѣмъ въ Аѣинахъ. Но, въ глазахъ исторіи, римскіе адвокаты не имѣютъ смягчающаго обстоятельства: уродливой формы греческаго учрежденія. Слишкомъ много силы, гласности и свободы имѣли Цицероны, Гортензіи и Крассы. Слишкомъ важныя интересы вѣрялись честности и дарованіямъ этихъ ораторовъ. Измѣняя кліенту, римскій адвокатъ предавалъ врагамъ и утѣснителямъ цѣлые народы. Выступая съ подкупнымъ словомъ на форумѣ, гдѣ постоянно шла опасная борьба, онъ могъ попустить посягательство на свободу отъ самыхъ злыхъ враговъ ея. Ничего не стоило безъ нужды усилить остроту политическаго волненія. Ненависть партій съ жадностью ловила мѣткое слово, извлекая оттуда новую силу для своего горѣнія. Патріотизмъ, безкорыстіе, твердость и честность убѣжденій, нелицемѣрная преданность гражданской свободѣ: лишь такія условія могли сдѣлать благотворнымъ публичное слово. Находились ли всегда у римскихъ адвокатовъ подобныя качества? Вотъ вопросъ, на который давно уже сказала отрицательный отвѣтъ свой исторія.

Но трудно согласиться съ тѣмъ, будто адвокаты и краснорѣчіе ихъ послужили главною причиною гибели республиканскихъ учреждений². Если въ Аѣинахъ, послѣ Демосфена, сталъ править македонскій солдатъ; если въ Римѣ, послѣ Цицерона и

¹ Одною изъ нихъ, говорятъ, воспользовался Помпей.

² *Bécot, Organisat. de la Justice répressive*, pp. 79, 80.

Гортензія, водворились деспоты: отсюда нельзя вывести историческую связь между краснорѣчіемъ и паденіемъ свободы. Не адвокатура вызвала безурядицу; но анархія — результатъ общаго разложенія — привила смерть къ самой адвокатурѣ. Въ Греціи и въ Римѣ, лучшіе представители профессіи явились послѣдними борцами за тотъ порядокъ, который долго обезпечивалъ силу и независимость ихъ отечества. Адвокатъ Демосеенъ былъ злымъ врагомъ Филиппа. Цицеронъ обнаружилъ истинно-гражданское мужество, когда выступилъ противъ отпущенника Суллы, въ процессѣ Росція амерійскаго; то-же можно сказать относительно филиппики его противъ антоніева закона о составѣ присяжныхъ. Въ крайнемъ случаѣ, позволительно признать, что адвокатура, не умѣвшая собрать себя въ сильную корпорацію, разлилась между партіями и увеличила пожаръ въ Римѣ. Но сама она была скорѣе матеріаломъ, чѣмъ причиною горѣнія.

IV.

Съ имперією наступила новая эпоха для адвокатуры. Въ первое время, не произошло существенныхъ измѣненій во внутренней жизни Рима. Консулы, преторы, центумвиры, формулярная система, публичный и словесный судъ съ участіемъ защитника: все это перешло, въ полномъ составѣ, подъ ферулу цезарей. Но скоро обнаружилась борьба двухъ началъ, которыя не могли ужиться въ долгомъ ладу между собою. Какъ было Риму оставаться громадною муниципіей, когда неодолимая сила обстоятельствъ повлекла его къ деспотизму и централизаци? Римскій народъ поставилъ тронъ, вмѣсто курульнаго кресла избирательныхъ чиновниковъ. Какъ могли сохраниться нетронутыми судебныя учрежденія республики? Правосудіе всегда соединялось съ политикою, какъ въ Римѣ, такъ и въ афинской демократіи. От-

сюда рядъ мѣръ, которыя, мало-по-малу, привели къ совершенному измѣненію процесса. Точкою отправленія цезарскихъ реформъ послужили знаменитые юліевы законы (*judiciorum publicorum Leg. Majestatis*). Они разомъ затронули все существенные вопросы судоустройства и судопроизводства. Тогда-же съ ясностью опредѣлилось направленіе, котораго держалась центральная власть въ законодательствѣ.

Съ одной стороны, право частнаго обвиненія было ослаблено, по отношенію къ обыкновеннымъ преступленіямъ. Съ другой стороны, то-же право расширилось, въ противность основнымъ началамъ римскаго законодательства, когда касалось политическихъ преступленій¹. Подсудность по дѣламъ послѣдней категоріи взята отъ постоянныхъ комиссій и передана сначала сенату, а затѣмъ — особой верховной инстанціи (*Consistorium Principis*). Но еще при Августѣ, стала подыматься въ судебномъ мѣрѣ новая сила: городской и полицейскій префекты. Скоро власть перваго расширилась до такихъ размѣровъ, что поглотила юрисдикцію древнихъ преторовъ. Возлѣ начальника римской полиціи образовалась особая инстанція (*Consistorium Praefecti Urbis*), выше которой стоялъ лишь одинъ судъ императорскій. Сильную власть получили правители провинцій. Еще раньше мѣръ Діоклетіана и Константина, стали считать законнымъ порядокъ, называвшійся чрезвычайнымъ, конечно не изъ уваженія къ остаткамъ республиканскаго процесса².

¹ Законы о доносчикахъ совершенно противорѣчатъ правиламъ, которыя высказываются римскими юристами. Ср. *Dig. L. 47. 23. Paulus*: «*Popularis actio integrae personae permittitur*» etc. — *Ulpian*. «*Mulieri et pupillo populares actiones non dantur*» etc. — Сравни. отступленія отъ этихъ общихъ началъ *Lib. 7. Dig. ad Legem Juliam Majestatis*.

² *Dig. L. 48. tit. II. 8.* «*Ordo exercendorum publicorum capitulum in usu esse desiit... cum extra ordinem crimina probantur*».

При такихъ условіяхъ, положеніе присяжныхъ на судѣ должно было подвергнуться кореннымъ измѣненіямъ. По инстинкту, смыслъ котораго понятенъ исторіи, еще Антоній наложилъ руку на это важное учрежденіе. Съ цинизмомъ честолюбца, который чувалъ водвореніе самовластія, онъ искажилъ авреліевъ законъ, присоединивши скомороховъ, гусляровъ и тому подобныхъ лицъ къ составу присяжныхъ. Постояннымъ стремленіемъ первыхъ цезарей было довершить разложеніе учрежденія, гдѣ, при господствѣ независимыхъ людей, могли задержаться республиканскія преданія. Такія мѣры мало способствовали поддержанію священнаго огня у присяжныхъ. Общественная служба эта приобрѣла двойную тягость въ глазахъ гражданъ. Они все болѣе замыкались въ узкій кругъ личныхъ интересовъ, подъ разлагающимъ вліяніемъ деспотизма. Вотъ почему, независимо отъ другихъ причинъ, участіе присяжныхъ въ уголовныхъ коммиссіяхъ слабѣетъ съ каждымъ новымъ днемъ имперіи. Народный элементъ замѣнился чиновниками, засѣдателями, совѣтниками и т. п., которые, отъ IV столѣтія, постоянно окружаютъ судью съ единоличною и неограниченною властью. Сенаторы, законовѣды и иные почетныя лица призывались въ различныя «консисторіи» и «аудиторіи» для однихъ совѣщаній. Власть вязать и рѣшить, въ обыкновенномъ и апелляціонномъ порядкѣ, перешла къ предсѣдателю, который держалъ въ рукахъ своихъ всю силу полицейскаго надзора и обвиненія.

Въ совершенномъ согласіи съ подобными измѣненіями, являются первыя ограниченія гласному и словесному порядку. Власть обвинять, не ожидая частной инициативы, по однимъ донесеніямъ полицейскихъ агентовъ, естественно привела судью къ участію въ предварительномъ слѣдствіи. Но невозможность для судьи (онъ-же и правитель) лично присутствовать при всѣхъ моментахъ каждаго слѣдствія, въ свою очередь, вызвала новую мѣру: составленіе письменныхъ актовъ, протоколовъ и

проч. Такимъ образомъ за высшими чиновниками явились на судахъ писцы и грамотѣи. Возникла секретарская дѣятельность и обозначились элементы судебной бюрократіи. Развитие апелляціоннаго порядка, охватившаго всѣ степени — отъ муниципальныхъ судовъ въ провинціяхъ до высшей инстанціи городского префекта въ Римѣ — окончательно закрѣпило коренной переверотъ этотъ. На судахъ получалась масса протоколовъ и другихъ актовъ, надъ которыми приходилось работать въ канцеляріяхъ. Постоянные судьи — чиновники и юрисконсульты — были нужнѣе присяжныхъ, которые рѣшали дѣла при словесномъ и публичномъ состязаніи противниковъ. Поверотъ къ письменному и закрытому порядку былъ такъ рѣшителенъ, что иногда сами императоры считали полезнымъ напоминать правителямъ провинцій, какъ предосудительно рѣшать на-дому «важныя тяжбы о личныхъ и вотчинныхъ правахъ»¹.

Весьма возможно, что, въ большинствѣ случаевъ, начальники судовъ исполняли эти предписанія строгихъ властителей. Тогда можно предполагать допущеніе, на прежнихъ основаніяхъ, адвокатской защиты. Но учрежденіе это не могло уйти отъ судьбы цѣлаго порядка. Адвокатура развилась при консулахъ и преторахъ, власть которыхъ сдѣлалась тѣнью своего прошедшаго, еще въ первомъ вѣкѣ имперіи. «Не наше дѣло разсуждать о томъ, кого и по какимъ причинамъ возвышаешь ты передъ нами», — говорилъ Теренцій Тиберію, — «тебѣ даровали боги верховный судъ надъ міромъ, а намъ осталась одна слава — повиновеніе»². Иного исхода не было для самихъ адвокатовъ, когда Нерону пришла въ голову самовластная мысль — изгнать изъ процессовъ защитительную рѣчь, оставивши одну альтер-

¹ Ср. Cod. Theod. Edit. Gothofr. De officio rectoris provinciae.

² Annal. VI. 8. Ср. тамъ-же слова Теренція къ сенаторамъ: «Libertis quoque ac janitoribus ejus (Sejani) notescere pro magnifico accipiebatur».

кацію. Не могли проявить большей самостоятельности правовѣды - консультанты, когда имъ приказали, подѣ страхомъ наказанія: не составлять духовныхъ завѣщаній безѣ легата въ пользу кесаря. Правда, мѣры Нерона не пережили его царствованія. Но ясно, что положеніе органовъ судебной защиты стало инымъ, чѣмъ при Катонѣ, Цицеронѣ и Гортензіи. Процессы безѣ адвокатовъ, глубоко возмущавшіе Римъ въ кровавые дни Суллы, не вызывали удивленія въ ту эпоху, о которой говоритъ Тацитъ въ сжатой фразѣ: «а у насѣ непрерывныя обвиненія». Бездна, которая отдѣляетъ цезарскій Римъ отъ Катона, освѣщается во всей глубинѣ немногими словами: «обвиненіямъ предшествуютъ доносы друзей и родныхъ. За доносами слѣдуютъ неизбѣжные приговоры и казни»¹.

Не подлежитъ сомнѣнію, что право имѣть защитника осталось буквою безѣ примѣненія на чрезвычайныхъ судахъ. Даже Плиній, оставившій за собою самую тяжкую пору, присутствовалъ въ засѣданіяхъ, гдѣ ораторствовали главные стороны безѣ пособія адвокатовъ². Извѣстно, какъ шли дѣла, когда судили Кремуція, Теренція и Валерія азіатскаго. Правда, тутъ были адвокаты; но они перемѣнили занятіе, сдѣлавшись доносчиками. Не мудрено: вмѣсто форума, процессъ Валерія происходитъ въ спальней комнатѣ. Дѣломъ заправляетъ Мессалина³. Самъ обвиненный произноситъ рѣчь, которая трогаетъ Клавдія. Императоръ уважаетъ краснорѣчіе и выслушиваетъ Валерія съ большимъ терпѣніемъ, чѣмъ Тиберій — Кремуція⁴. Мессалина, утирая слезы, поглощена думою — какимъ способомъ умертвить давно-

¹ *Saeva jussa.... fallaces amicitias etc.*

² *Ер. VI 22.*

³ *Annal. XI. 2. Intra cubiculum auditur, Messalina coram etc.*
Ср. Dialog. de oratore.

⁴ *Tacit. Annal. Et Caesar truci vultu defensionem accipiens etc.*

намѣченную жертву? Клевретъ ея Вителлій также плачетъ, говоря о дружбѣ своей къ осужденному, и проситъ у Клавдія свободнаго выбора казни для виновнаго. Цезарь милостиво даетъ привилегію. Валерій выкупаетъ многогрѣшную жизнь мужественною кончиною, а Мессалина и сподручники ея спѣшати захватить богатое имущество казненнаго. Но лишь окончилось это дѣло, какъ снова созываются въ засѣданіе молчаливые и униженные сенаторы. Опять выступилъ адвокатъ Суиллій въ роли доносчика противъ двухъ богатыхъ всадниковъ.

Такова атмосфера, въ которой осуждены были жить адвокаты, послѣ Августа. Никто не назоветъ ее благопріятною для чистоты и достоинства ихъ профессіи. Открытое обвиненіе, при такой-же защитѣ, замѣнено доносомъ, безъ всякаго обезпеченія для обвиняемаго. Суды, на которыхъ допускались еще адвокаты, теряли, одну за другою, важныя части своей юрисдикціи. Измельчала практика, а по словамъ Тацита — «та-ланты растутъ съ важною дѣлѣ: иное защищать вора или толковать объ интердиктѣ; иное отстаивать муниципіи»¹. Тамъ, гдѣ сидѣли постоянные судьи, слово защитника зависѣло отъ неограниченной власти сановниковъ. На каждомъ періодѣ обрывалась рѣчь приводомъ свидѣтелей или предъявленіемъ другихъ доказательствъ. Не было народа и зрителей, которые сходились въ такомъ множествѣ на засѣданія VII-го и первой половины VIII-го столѣтія отъ основанія Рима. «Дѣла тянулись какъ въ пустынѣ», замѣчаетъ Тацитъ². Дарованіе задыхалось въ стѣнахъ архивовъ и канцелярій³. Специальное

¹ Dial. de orat. 39.

² L. c. «Quantum humilitatis... attulisse poenulas istas, quibus astricti et velut inclusi cum iudicibus fabulamur?.. Frequenter probationibus et testibus silentium patronis indicit. Unus inter haec dicenti aut alter assistit. Et res velut in solitudine agitur» etc.

³ Quantum virium detraxisse orationi auditoria et tabularia etc.

занятіе адвокатурою подрывалось соблазномъ богатой поживы отъ доносовъ. Настали времена, когда рѣзкое выраженіе Аппія Клавдія недостаточно характеризовало краснорѣчіе, наиболѣе популярное въ государствѣ. Не удивительно, если лучшіе люди спѣшили оставить адвокатуру и отдались теоретическимъ занятіямъ. Въ частномъ правѣ, какъ сказалъ Савиньи, задержались лучшіе остатки Рима. Отсюда появленіе Лабеопа и другихъ юристовъ, которые готовятъ Павла, Ульпіана и Папиніана. Самъ Августъ цѣнилъ законовѣдовъ и призналъ судебный авторитетъ ихъ мнѣній, быть можетъ, съ тайнымъ желаніемъ ослабить власть преторовъ. Практика гражданскихъ судовъ представляла менѣе опасности, при тѣхъ пріемахъ, которые описываетъ Плиній у адвокатовъ изъ доносчиковъ Домиціана¹. Споръ объ интердиктѣ обезпечивалъ отъ крайнихъ невыгодъ политическаго процесса въ чрезвычайной комиссіи. Обнаружился приливъ худшихъ людей къ судебной практикѣ². Многообразны были прегрѣшенія адвокатовъ во времена республики. Но теперь, въ силу перемѣнъ отъ юліевыхъ законовъ, проступки противъ адвокатской нравственности сдѣлались эпидемическою болѣзнію. Плиній одиноко стоитъ между своими собратами. Влестящія дарованія Домиція Афера, солидность адвоката Регула не смываютъ съ нихъ участія въ самыхъ грязныхъ процессахъ имперіи. Побужденія и стремленія принизились. Честолюбіе закрылось для адвокатовъ. Осталась одна корысть для людей, которымъ были не подѣ-силу самыя слабости прежняго вѣка. Въ анналахъ Тацита на-вѣки вписаны слова, что «адвокатская совѣсть сдѣлалась самымъ продажнымъ

¹ Ср. Epist. I. V. Поведеніе адвоката Регула, который вопросами своими умышленно подводилъ Плинія подъ *crimen laesae majestatis*.

² Ibidem. II. XIV. Nunc refractis pudoris et reverentiae claustris, omnia patent omnibus; nec inducuntur, sed irrumpunt etc.

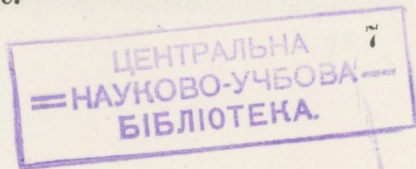
товаромъ на публичномъ рынкѣ»¹. И точно, при Клавдіѣ, адвокаты берутъ громадныя гонорары (до 20,000 р. сер. на наши деньги) съ обѣихъ сторонъ и доводятъ кліентовъ до самоубійства. При Домиціанѣ и Нервѣ, пріобрѣтаются колоссальныя состоянія въ 300 милліоновъ сестерцій². Сатирики издѣваются надъ адвокатами изъ булочниковъ и погонщиковъ, которые однакоже безошадно обираютъ кліентовъ. Объ осторожномъ выборѣ дѣлъ, о честности въ средствахъ защиты нѣтъ и помину. Не имѣя убѣжденій и отвергая нравственное достоинство, твердо вѣруютъ лишь въ одно: всякое дѣло хорошо, когда попадаетъ къ ловкому адвокату. По словамъ сатириковъ, защитники не брезгаютъ гонораромъ изъ нѣсколькихъ связокъ египетскаго лука, приправленныхъ затхлымъ виномъ отдаленной провинціи³. Въ одеждѣ и жильѣ, въ выходахъ на судебное засѣданіе, во всѣхъ удобныхъ и неудобныхъ случаяхъ, выставляется на-показъ роскошь съ шарлатанскою цѣлью привлечь практику. Но тѣ - же величавые адвокаты не стыдились выпрашивать себѣ платѣ у кліентовъ. Съ неудержимымъ отвращеніемъ рассказываетъ это Плиній о доносчикѣ Регулѣ. Сатиры Ювенала и Марціала обращаются въ истину, когда подкрѣпляютъ ихъ простой рассказъ едва - ли не единственно - честнаго адвоката въ первомъ вѣкѣ имперіи.

Изъ предыдущаго очерка ясно, почему устройство адвокатуры сдѣлалось очереднымъ вопросомъ законодательства. Другія причины должны были, въ свою очередь, привлечь въ эту сторону вниманіе императоровъ. Власть, которая захватила все, чтѣ вѣдали консулы, трибуны и преторы, не могла оставить

¹ XI. V. Cuncta legum et magistratum munia in se trahens princeps materiam prædandi patefecerat: nec quidquam publicæ mercis tam venale fuit quam advocatorum perfidia.

² Dialog. de orat. VIII. 4.

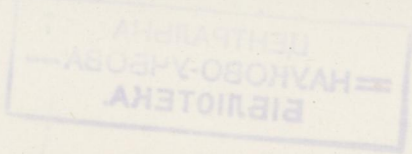
³ Ср. *Henriot*, III, I. с.

на прежнемъ основаніи вліятельную профессию. Преслѣдуя цѣли политической централизаціи, правительство естественно пришло къ мысли о дисциплинарномъ устройствѣ адвокатуры. Но не одни такія соображенія господствовали въ цезарскихъ совѣтахъ. Въ составѣ послѣднихъ находились правовѣды, которые иначе смотрѣли на адвокатуру. Для Ульпіана, Павла и другихъ юристовъ, учрежденіе это, не смотря на временное приниженіе свое, было необходимо какъ составная часть правильно-устроеннаго правосудія. Скандальныя процессы безъ адвокатовъ при первыхъ императорахъ привели ихъ къ однимъ заключеніямъ отъ противнаго. Не имѣя силъ и расположенія открыто бороться противъ юліевыхъ законовъ, образованные и челоуѣколюбивые правовѣды не упускали случая ограничить безусловное ихъ примѣненіе. Такъ произошли правила дигестовъ, что нѣтъ истиннаго суда, если приговоръ произносится безъ допущенія защиты, или безъ повѣреннаго за отсутствующаго подсудимаго; если оправданіе переходитъ во встрѣчное обвиненіе, упуская точныя доказательства собственной невинности, и мн. др.¹. Безпорядки и внутреннее разложеніе адвокатуры доставляли юристамъ заботы иного рода. Съ гибелью защиты соединялось для нихъ искаженіе правосудія. Безъ талантливыхъ, честныхъ адвокатовъ, представлялась безцѣльною замѣна строгихъ уголовныхъ законовъ болѣе мягкими мѣрами, которыя удалось провести тѣмъ-же юристамъ.

Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ различныхъ причинъ, обнаружилась потребность въ регламентаціи, и ее начали императоры съ возстановленія цинціева закона. Августъ безусловно запретилъ брать гонораръ. Неронъ (какъ говоритъ, расходясь съ Светоніемъ, Тацитъ) подтвердилъ такое запрещеніе. При

¹ Cp. Digest. lib. 1. De requirendis reis.—Ibidem. 48, tit. I 13, 5. Non relatione criminum, sed innocentia reus purgetur etc.

Клавдіѣ, доносчикъ Суилій нарушилъ законъ, взявши громадную плату съ обѣихъ сторонъ, что привело кліента къ самоубійству. Дѣло это взволновало Римъ, не исключая сенаторовъ. Между ними нашлись энергическіе порицатели продажности адвокатовъ; въ рѣчахъ, на сенатскомъ судѣ, затронуты были опасныя примѣры республиканской доблести. У Тацита очень живо разсказанъ любопытный процессъ этотъ и приведена рѣчь Суилія, который защищалъ себя въ присутствіи Клавдія. Суилій развивалъ положеніе, что «адвокатура не могла остаться безмездною, какъ только обратилась въ свободную профессію». Вопросъ о двойномъ гонорарѣ, съ обѣихъ сторонъ, ловко прикрытъ экономическими разсужденіями и ссылками на богатство адвокатовъ въ республиканскомъ періодѣ. Замѣчательно, что Тацитъ умалчиваетъ о дисциплинарномъ взысканіи съ виновнаго. Приводится одно постановленіе Клавдія, по которому отмѣнено безусловное запрещеніе Цинція. Признана закономъ плата не выше 10 тысячъ сестерцій (около 500 руб. сер., или 450 талеровъ) за одно дѣло, подъ угрозою наказанія, наравнѣ со взяточниками, при отступленіи отъ законной таксы¹.

Однако-же мѣра Клавдія не остановила злоупотребленій. Характеры, описанные Плиніемъ и Тацитомъ, не подчинялись правиламъ обѣ умѣренности. Обходъ закона оказался нетруденъ. Плату въ десять тысячъ сестерцій стали брать за каждое отдѣльное дѣйствіе въ процессѣ. При такомъ аналитическомъ способѣ, могла получаться тройная, четверная и даже высшая сумма. Вѣроятно, подобная причина подготовила сенатское постановленіе при Траянѣ; вызвано же было это предписаніе, подтвердившее законъ клавдіевъ, новымъ скандаломъ. Адвокатъ Номинатъ взялъ впередъ весь гонораръ (10 тысячъ сестерцій), но не явился защищать своихъ кліентовъ (обывателей

¹ Ann. XI. 6, 7. Capiendis pecuniis posuit modum usque ad dena (millia) sestertia, quem egressi repetundarum tenerentur.

Виченцы)¹. При разборѣ дѣла на судѣ оказалось, что защитникъ измѣнилъ своему долгу изъ страха предъ могущественнымъ противникомъ².

Черта эта любопытна. Въ ней читается знаменіе времени. Развращенные адвокаты берутся за дѣла изъ нечистаго желанія захватить задатокъ. Но рабское чувство предъ вліятельными людьми гонить ихъ отъ состязанія. При этомъ, невольно обращеніе къ прежнему порядку, когда адвокаты, взявши деньги, не боялись по-крайней-мѣрѣ говорить противъ преторовъ, консуловъ и триумвировъ. Снова историческій рассказъ Плинія сходитъ съ адвокатскими типами сатириковъ. «У меня тяжба съ Бальбомъ» — говоритъ устами Марціала кліентъ, въ безуспѣшныхъ попыткахъ найти себѣ защитника, — «но ты не желаешь оскорбить моего противника. Сосѣдъ нарушилъ неприкосновенность моего владѣнія; но ты страшишься идти противъ цезарскаго отпущенника. Раба моего незаконно удерживаетъ и скрываетъ Каронія. Но ты отвѣчаешь: она — вдова, богата, стара, бездѣтна. Нѣтъ, думаю я, трудно дѣлать дѣло подневольному: не рабъ, а свободный человѣкъ долженъ быть моимъ защитникомъ!». —

Прослѣдимъ теперь до VI столѣтія судьбу законодательства объ адвокатскомъ гонорарѣ. Такса императоровъ Клавдія и Траяна (10,000 сестерцій = 100 солидовъ = 500 р. с.) подтверждена Александромъ Северомъ³. Ни въ одномъ постановленіи нѣтъ болѣе-яснаго указанія на положеніе тогдашней адвокатуры, какъ регламентированной профессіи. Рескриптъ императорскій причисляетъ ее къ «свободнымъ занятіямъ» (§ 9),

¹ *Plinii Sec. Epist. V. 4.*

² Плиній называетъ этого страшнаго соперника: *Vir praetorius Solers*.

³ *Dig. l. 50. 13. Licita autem quantitas intelligitur pro singulis causis usque ad centum aureos etc.*

на-равнѣ съ искусствомъ медиковъ, риторовъ и грамматиковъ. Адвокатамъ дано право иска, но запрещены условія о процентахъ съ цѣнности выигранной тяжбы (*societatem futuri emolumenti*). Запрещеніе повторяется относительно добавочной платы къ гонорару въ видѣ преміи за выигранное дѣло (*palmarium*), если вся сумма, въ сложности съ гонораромъ, превышаетъ законную таксу, а также, когда условіе о преміи заключено до окончанія тяжбы (*suspensa lite*)¹. Наслѣдники адвоката, умершаго до окончанія тяжбы, не обязаны возвращать гонораръ кліенту (§ 13). Статья эта имѣетъ значеніе привилегіи. Но главный интересъ ея въ томъ, что указывается правило: брать гонораръ до окончанія дѣла². При отсутствіи опредѣленнаго условія, споръ разбирается единоличною властью намѣстника провинціи. (Потому-то вопросъ о гонорарѣ въ дигестахъ помѣщается подъ рубрикою «о чрезвычайномъ порядкѣ судопроизводства»). Въ такомъ случаѣ, размѣръ гонорара опредѣляется судьей — по важности дѣла, по способностямъ и труду защитника, но не выходя изъ законной таксы.

Отсюда слѣдуетъ, что, въ началѣ III-го столѣтія, императорскіе чиновники получили власть уменьшать, по своему усмотрѣнію, адвокатскую плату. Не видно у адвоката права апеллировать на рѣшеніе намѣстника. Но любопытно, что законодательство предписываетъ судьямъ руководствоваться, между прочимъ, «обычаями адвокатовъ» (*consuetudine fori*). Съ одной стороны, такое повелѣніе есть вѣрный признакъ, что въ об-

¹ Ср. по спорному вопросу о такъ-наз. «*Quota litis parte*» солидное изслѣдованіе *Йордана* въ *Archiv für die civil. Praxis*. 12. Также *Martin*, *Theorie des Processen*, § 74.

² Ср. *Dig. XIX. 2. Pauli Lib. Sing. Regul.* Здѣсь установлено весьма выгодное для адвокатовъ правило о расчетахъ съ кліентомъ: *Qui operas suas locavit, totius temporis mercedem accipere debet, si per eum non stetit etc.*

ществѣ опредѣленіе обозначилось отдѣльное сословіе. Съ другой стороны, законъ обнаруживаетъ волю императора признать, въ извѣстной степени, автономическія правила адвокатовъ о гонорарѣ. Дѣйствительно, исторія считаетъ время Александра Севера лучшимъ періодомъ въ судьбахъ адвокатуры послѣ Августа. И въ настоящемъ случаѣ, законодательство вѣрно отразило дѣйствительность. Последняя черта еще ярче выставляется въ предпочтеніи теоретическихъ занятій правомъ предъ адвокатурой¹. Нельзя было иначе глядѣть на дѣло, когда теорія имѣла своимъ представителемъ Ульпіана, а практика переполнялась людьми, которые продолжали повторять, въ меньшихъ размѣрахъ, адвокатскія преступленія Сулія и Номината².

Законодательство III-го столѣтія съ такою полнотою исчерпало вопросъ о гонорарѣ, что послѣдующія мѣры только подтверждали, точнѣе выражали, а въ немногихъ случаяхъ видоизмѣняли постановленія Северовъ. Такимъ характеромъ отличаются указы императоровъ Константина, Констанція, Валентиніана, Валента, Θεодосія II-го, Аркадія и Гонорія. — Въ 315-мъ году находимъ мы приказаніе: немедленно судить и подвергать наказаніямъ коронныхъ адвокатовъ за незаконные ихъ поборы. Рескриптъ 326 года специфически опредѣляетъ карательную мѣру за нарушеніе таксы. (Исключеніе изъ адвокатскаго списка — другой признакъ зачатковъ коллегіальнаго устройства и дисциплины). Указъ 344-го года изображаетъ, въ энергическихъ выраженіяхъ, ненасытную жадность «схоластиковъ» (такъ

¹ Устраняя профессоровъ правовѣдѣнія отъ подсудности намѣстниковъ, законъ говоритъ: «*Est quidem res sanctissima civilis sapientia... quae pretio nummario non sit aestimanda nec dishonestanda*» etc.

² Подъ 214 годомъ встрѣчаются въ кодексахъ подтвержденія о наказаніяхъ адвокатамъ за предательство кліентовъ. Ср. *De advoc. divers. judiciorum*: «*Si patronum causae praevaricatorem putas*» etc.

называли тогда адвокатовъ, единственныхъ представителей правовѣдѣнія послѣ паденія науки) и снова опредѣляетъ карательныя мѣры¹. Но уставъ 368-го года, данный для адвокатовъ города Рима, любопытнѣе всѣхъ исчисленныхъ законовъ. Валентиніанъ безусловно запрещаетъ какія бы то ни было соглашенія съ кліентомъ о платѣ. Это — поворотъ къ законамъ Цинція и Августа, которые однако-же смягчаются разрѣшеніемъ «безпрекословно брать такую плату, какую заблагоразсудятъ давать кліенты». Оба положенія отступаютъ отъ законодательства Александра Севера.

Еще значительнѣе рознь въ слѣдующемъ: титулованнымъ и почетнымъ лицамъ (*honorati*), которыя примутъ на себя обязанность защитниковъ, безусловно запрещено возмездіе. Здѣсь императорскій указъ примѣняетъ, безъ всякой уступки, основное начало цинціева закона. Трудно объяснить оригинальную попытку самовластнаго императора воскресить аристократическій патронатъ свободнаго Рима. Духъ времени, нравы общества, положеніе адвокатуры, государственное устройство: все это мало отвѣчало историческому романтизму Валентиніана. Адвокатура, подчиненная чиновникамъ, не ладила съ преданіями о патриціяхъ. Лучше всего доказываетъ это статья устава (6), по которой приказано добровольнымъ и титулованнымъ адвокатамъ стоять во время защиты². Такимъ образомъ, съ одной стороны, приравнивали ихъ къ обыкновеннымъ защитникамъ; съ другой стороны, лишали гонорара, т. е. — единственной выгоды, которую могла доставить профессія, при упадкѣ политическаго и общественнаго значенія адвокатуры. Подобное сочетаніе не могло замѣнить болѣе разумныхъ мѣръ III-го и начала IV-го столѣ-

¹ *Ср. Cod. Theodos. Ed. Gothofr. lib. VIII. 10. De concussionibus advocatorum. Ср. тамъ-же, lib. II 10. De postul. Commentar. Gothofredi.*

² «*Ne denique sedendi eo tempore jus honorati illi habeant*».

тій, когда правительство, опираясь на обычаи форума, старалось согласить, посредствомъ законныхъ обезпеченій, взаимные интересы адвокатовъ и кліентовъ¹.

Такса императора Клавдія, отмѣненная на-время Діоклетианомъ, который предписалъ плату въ 250 денаріевъ, осталась нормальною для гонорара по дигестамъ. Вотъ почему можно считать заслугою Юстиніана, что въ сводъ его внесена система III-го столѣтія, дополненная постановленіями Аркадія, Гонорія и Феодосія (422 и 449) о привилегіи (*pecul. quasi castrensis*) для имуществъ, приобрѣтаемыхъ трудомъ адвокатовъ. Исполненіе этихъ законовъ обезпечено карательными мѣрами, которыя также вошли въ кодексъ и въ дигесты². Вмѣстѣ съ послѣдними, распространились постановленія объ адвокатскомъ гонорарѣ въ западной Европѣ, гдѣ оказали извѣстное вліяніе на соотвѣтственныя учрежденія у германо-романскихъ народовъ.

Римское законодательство не вдругъ оставило тотъ взглядъ, что адвокаты — частные люди, которые по собственной волѣ служатъ своимъ согражданамъ, отстаивая интересы ихъ на судѣ. Въ III-мъ столѣтіи, адвокатура, какъ видно это изъ постановленій о гонорарѣ, не считалась еще службой (*militia togatorum*), а была добровольною профессіей. Но, обративши серьезное вниманіе на гонораръ, законодательство не могло

¹ Ср. *Grellet-Dumazeau*, р. III. Nota 2, гдѣ приведено мнѣніе Сенеки о гонорарѣ вообще: «*Emis a medico rem inestimabilem, vitam ac valetudinem bonam; a bonarum artium praeceptore studia liberalia et animi cultum. Itaque his non rei pretium sed operae solvitur, quod deserviunt... Avocati nobis vacant: mercedem non meriti, sed occupationis suae ferunt*» etc.

² Digest. I. 48. 19. De poenis. — L. 13. § 9 Codic. De judiciis (3, 1) — lib. II. tit. 14. § 53. De pactis (Digest.) говоритъ объ отсрочкахъ, которыя можетъ давать адвокатъ своему кліенту. Ср. вліяніе этого правила на германскую адвокатуру.

обойти другіе, не менѣ существенные пункты. Между ними едва-ли не первое мѣсто принадлежало вопросу: кто имѣетъ право быть адвокатомъ? Выше указанъ первый, нерѣшительный отвѣтъ на вопросъ этотъ въ республиканскомъ періодѣ. Приведены слова Плинія о томъ, какъ безпорядочна была адвокатура первыхъ временъ имперіи. При Неронѣ, толпу голодныхъ и бездарныхъ практиковъ выгоняли изъ форума собаками, нарочно приученными къ подобной травлѣ, какъ говорить объ этомъ самъ учитель императора ¹. При Антонинахъ и Александрѣ Северѣ, правовѣды приняли инныя мѣры. Согласно ихъ политикѣ, адвокатура, не обращаясь въ чиновную монополію, должна была сосредоточиться въ болѣе ограниченномъ кружкѣ достойныхъ и способныхъ лицъ. Правительство не желало давать патенты; но опредѣлило общія условія, при которыхъ каждый гражданинъ могъ быть защитникомъ. Вотъ почему, не касаясь вопросовъ объ испытаніяхъ и присягѣ, не устанавливая законнаго числа адвокатовъ, законодательная власть начертала систему правилъ о ходатайствѣ. Искусная рука Ульпіана привела къ немногочисленнымъ и яснымъ положеніямъ частные случаи, которые долго не поддавались точному опредѣленію. Установлены безусловныя и относительныя запрещенія ². Основаніемъ для тѣхъ и другихъ приняты: несовершеннолѣтіе, женскій полъ, физическіе недостатки, порочная жизнь и потеря гражданской чести. Съ адвокатствомъ не совмѣстимы унижительныя занятія (гаерство, возмездное гладіаторство) ³.

Гораздо позже объявлены препятствіемъ иновѣріе и ерети-

¹ *Gr.-Dumazeau*, p. 65, гдѣ слѣлана ссылка на Сенеку.

² *Digest. l. III. De postulando, tit. 1. Ulp. lib. I ad edictum. Quosdam in toto prohibuit; quibusdam pro se, quibusdam et pro se et pro certis personis permisit etc.*

³ *Qui operas suas, ut cum bestiis depugnaret, in arena locaverit etc.*

чество. Но въ законодательствѣ II-го и III-го столѣтій начинается опредѣляться мысль, что слѣдуетъ избѣгать соединенія вліятельныхъ должностей съ адвокатскою обязанностию. Въ концѣ I-го столѣтія консулы и другіе сановники адвокатствуютъ на судахъ имперіи. Только Плиніи младшій (I. 23. IV, 17) сильно высказывается противъ вредныхъ послѣдствій такого порядка. Однако-же мнѣніе его — чисто личное и не находитъ себѣ опоры ни въ обычаяхъ, ни въ формальномъ законѣ. Лишь въ отрывкахъ изъ Ульпіана читаются слѣдующія правила: претору должно устранять себя отъ дѣлъ, по которымъ былъ онъ адвокатомъ; разборъ ихъ нужно передавать другому сановнику; но, по окончаніи служебнаго срока, не возбраняется защищать предъ преемникомъ тѣ самыя дѣла, для которыхъ бывшій преторъ выдавалъ формулу¹. Отсюда начинается рядъ постановленій, гдѣ развиваютъ и примѣняютъ къ частнымъ случаямъ начало несовмѣстимости адвокатуры съ посторонними занятіями². Въ 394 году, Аркадій и Гонорій запрещаютъ «сословію адвокатовъ» (*corpus togatorum*) административныя должности въ провинціяхъ, но подтверждается «разрѣшеніе» императоровъ Граціана, Валентиніана и Валента относительно куріальной службы въ муниципіяхъ. Кодексъ Θεодосіа принялъ одну изъ статей устава, даннаго въ VI-мъ столѣтіи адвокатамъ Рима, и подтвердилъ, въ формѣ рѣшительнаго и общаго запрещенія, ученое мнѣніе Ульпіана объ адвокатствѣ преторовъ³. Нельзя было исполнять обязанности и судьи и адвоката по одному дѣлу. Но комментарий Готофреда приходитъ къ совершенно вѣрному заключенію, что въ другихъ дѣлахъ судья могъ

¹ Dig. De jurisdictione fragm. 17. De postulando fr. 6.

² Сравни. весь отдѣлъ юстиніанова кодекса: De advocatis diversorum judiciorum; De advocatis divers. judicium.

³ Cod. Theodos lib. II. tit. X. Judicem et advocatum in eodem negotio neminem esse posse etc.

быть защитникомъ, и на-оборотъ¹. Въ послѣднемъ случаѣ, когда адвокатъ отвлекался отъ своихъ прямыхъ обязанностей, сдѣланы такія ограниченія: соединеніе адвокатуры съ судебнымъ разборомъ дѣлъ дозволяется лишь въ томъ судѣ, гдѣ защитникъ ведетъ свою практику; всякія другія занятія и должности воспрещаются. То и другое закрѣплено штрафомъ въ 50 фунтовъ золота.

Указъ этотъ вышелъ въ 439 году. Изъ него ясно, что законодательство шире прежняго понимало задачу свою относительно адвокатуры. Строгая карательная мѣра охраняетъ выдѣленіе защитниковъ въ особый классъ, который начинаютъ приурочивать къ опредѣленнымъ судамъ въ имперіи. Адвокаты сложились въ сословіе и коллегіи, предназначенныя къ общественной службѣ по указанію правительства. Такой выводъ подтверждается смысломъ дальнѣйшихъ постановленій, гдѣ, по видимому, допущено уклоненіе отъ начала обособленія. Указъ 442 года разрѣшаетъ адвокатамъ занимать губернаторскія мѣста въ провинціяхъ, но поясняетъ, что адвокатъ, честно выполнившій службу, можетъ возвратиться къ прежнему своему занятію. Какъ привилегія, дается такому почетному лицу право адвокатствовать во всѣхъ судахъ имперіи². Логика событій и перемѣнъ въ государственномъ управленіи, отъ половины IV до половины VI столѣтія, могла только усилить указанныя нами стремленія законодательной политики императоровъ. Вотъ почему, въ сводѣ Юстиніана, опредѣлено безусловное отдѣленіе судейскихъ обязанностей отъ адвокатуры³. Разсмотрѣнные по-

¹ In diversis quippe causis sive separatis penitus negotiis in eodem foro idem iudicis modo, modo advocati personam sustinere non prohibetur.

² Ut ad illud officium, unde abstractus est, et unde sibi vitae subsidium comparabat, remeandi habeat potestatem etc.

³ De assessoribus iudicis: «Ne dum ad utrumque munus festi-

становленія также имѣютъ историческій интересъ для судьбы этого учрежденія у ново-европейскихъ народовъ.

Пятое столѣтіе особенно богато постановленіями, которые на-стойчиво продолжали дѣло регламентаціи. Императоръ Левъ обратилъ вниманіе на происхожденіе и познанія тѣхъ лицъ, которые готовили себя къ адвокатурѣ. Еще въ 440 году, Θεодосій освободилъ защитниковъ съ ихъ потомствомъ отъ «военной службы и другихъ, болѣе низкихъ, занятій», по выраженію законодателя¹. Указомъ 460 года, вмѣнено губернаторамъ и защитникамъ городовъ (муниципій) въ обязанность: производить точныя разслѣдованія о происхожденіи и занятіяхъ претендентовъ на званіе адвоката. Установленъ специальный экзаменъ, и годность «кандидата въ адвокаты» (такъ можно уже выразиться въ настоящемъ мѣстѣ изслѣдованія) удостоверяется присягою испытателей. Тотъ-же императоръ, но нѣсколькими годами позже, объявилъ православную каѳолическую вѣру необходимымъ условіемъ для адвокатовъ. Въ силу этого распоряженія, закрылся доступъ къ профессіи для язычниковъ, евреевъ и еретиковъ многочисленныхъ сектъ, волновавшихъ въ ту пору христіанскую церковь.

Принятіе въ адвокатское «сословіе», какъ выражаются законодатели съ конца IV вѣка, стало зависѣть въ провинціяхъ отъ правителей или губернаторовъ (*praesides*), а въ столицахъ отъ городскихъ и другихъ префектовъ. Подобное полномочіе председателей судебныхъ инстанцій совершенно логично выте-

nant, neutrum rite peragant», говоритъ законодатель. Ср. *Rey, Des institutions judic. d'Angl. compar. avec celle de la France etc.* Замѣчанія (р. 173. Nota 2) о неудобствѣ и злоупотребленіяхъ отъ соединенія различныхъ обязанностей на судахъ въ Испаніи, королевствѣ Сардинскомъ и въ Англіи. (182).

¹ ...*A cohortis vel alterius vilioris conditionis nexibus cum liberis quandocumque genitis.*

каеть изъ перемѣнъ въ судоустройствѣ и процессѣ, на которыя указано выше. Со временъ Діоклетіана и Константина, нельзя было передать въ инныя руки дисциплину надъ адвокатами. Производство слѣдствія, обвиненіе, судъ и выполненіе приговора перешли къ «ректорамъ» многочисленныхъ провинцій въ четырехъ префектурахъ. Отсюда понятно, почему мнѣніе Ульпіана объ отношеніяхъ проконсула къ адвокатамъ сдѣлалось кореннымъ правиломъ въ императорскомъ законодательствѣ¹. Всесильные администраторы стали могущественно вліять на адвокатуру. Губернаторская власть опредѣляла всю судьбу защитниковъ, отъ первыхъ до послѣднихъ минутъ ихъ дѣятельности. Ректоръ производилъ дознаніе, о которомъ сказано выше. Ректоръ наблюдалъ за строгостью экзамена. Другими словами, отъ ректора зависѣло: принять или непринять извѣстное лицо въ составъ адвокатовъ.

Вотъ почему не обошли губернаторскихъ рукъ юрисдикція и дисциплинарная власть надъ тѣми адвокатами, которые допущены къ профессіи. Ректоры, проконсулы, викаріи, августальныя и преторіанскіе префекты единолично разбирали и рѣшали дѣла о преступленіяхъ и проступкахъ адвокатовъ, приговаривая къ штрафамъ, временному и даже всегдашнему запрещенію практики, съ исключеніемъ изъ списковъ². По отрывкамъ изъ Папиніана видно, что не всякое запрещеніе имѣло силу за пре-

¹ Здѣсь разумѣются слова Ульпіана: «Eosque solos pati postulare, quibus per edictum ejus postulare permisit». Ср. также указъ импер. Зенона, 486 г., въ отдѣл. De adv. div. judicior.: «Electione magnificae tuae sedis» etc.

² «Nullus multae dictionem habeat in eos advocatos praeter ipsum Praefectum praetorii». Или: «Moris est advocacionibus praesides interdicere, et nonnunquam in perpetuum interdicunt, nonnunquam ad tempus vel annis metiuntur».

дѣлами провинціи. Лишь адвокатъ, наказанный за «безчестный» поступокъ, устранялся отъ судебной практики въ цѣлой имперіи. Для тѣхъ, кто осуждался на пять лѣтъ, право защищать кліентовъ возстановлялось по истеченіи этого срока. Еще со временъ императора Гадріана, который понималъ вредъ отъ юліевыхъ законовъ, допущено правило, что адвокатъ, возвращенный изъ ссылки, долженъ быть немедленно возстановляемъ во всѣхъ правахъ своихъ. Важнѣйшими нарушеніями адвокатскихъ обязанностей издавна считалось: несоблюденіе закона о гонорарѣ, а также измѣна кліентамъ¹. За послѣднее преступленіе, еще преторскій эдиктъ назначилъ чрезвычайный судъ надъ виновнымъ. Мнѣніе юристовъ (*Macer*, L. 2. Publ. judic.), принятое Юстиніаномъ въ пандекты, ссоединило съ этимъ преступленіемъ потерю гражданской чести. Отсюда ясно, какія послѣдствія имѣеть, въ подобномъ случаѣ, осудительный приговоръ надъ адвокатомъ.

Но вообще, императорское законодательство содержитъ немного прямыхъ опредѣленій по вопросу о противузаконныхъ и безнравственныхъ дѣйствіяхъ защитниковъ. Систему адвокатскихъ преступленій и проступковъ въ своѣ приходится пополнять съ помощью косвенныхъ заключеній. Зная, въ чемъ состоятъ обязанности защитника по отношенію къ суду, кліентамъ и противникамъ, можно сдѣлать выводъ о свойствѣ нѣкоторыхъ нарушеній. По указаніямъ Плинія (II, XI; III, IX; X, XX), официальная защита сдѣлалась общеупотребительной еще въ первомъ вѣкѣ имперіи. Иногда личное назначеніе по выбору судьи замѣнялось жребіемъ. Во II-мъ и III-мъ столѣтіяхъ, установленіе это поддерживаютъ авторитетомъ своихъ мнѣній ученые правовѣды. Въ комментаріяхъ на эдиктъ и въ раз-

¹ Digest. 47. T. 15. fr. 1. § 1. Praevaricator est quasi Baricator, qui diversam partem adjavat, prodita causa sua etc.

сужденіяхъ объ обязанностяхъ проконсуловъ или префектовъ, высказываются Ульпіаномъ человѣколюбивыя и философскія мысли. Предписывается предсѣдателямъ высшихъ областныхъ судовъ строго соблюдать полное равенство между тяжущимися и подсудимыми ¹. Знатность, богатство и подкупъ вліятельныхъ сторонъ не должны нарушать очереди и ослаблять средствъ къ защитѣ по дѣламъ бѣдныхъ людей, которые или вовсе не находятъ, или находятъ, но плохихъ, адвокатовъ. Потому слѣдуетъ назначать защитниковъ и для тѣхъ, кто, нуждаясь въ адвокатѣ, не проситъ объ немъ проконсула. «Нельзя допустить, говорить юристы, чтобы кто-либо страдалъ отъ могущества неравныхъ противниковъ. Борьба съ подобнымъ зломъ составляетъ священную обязанность» ².

Сильные и возвышенные мотивы этихъ мѣръ даютъ основаніе предполагать, что раньше IV, V и VI столѣтій была о-предѣлена мѣра дисциплинарнаго взысканія съ адвоката, который незаконно уклонялся отъ защиты по назначенію. Во всякомъ случаѣ, указы IV столѣтія не провозгласили новаго начала, предписавши наблюдать за равномернымъ распредѣленіемъ адвокатовъ между тяжущимися и подсудимыми. Въ опасеніи позднѣйшихъ законодателей, что богатый гонораръ притянетъ къ себѣ болѣе сильное дарованіе, повторяется человѣчная и вмѣстѣ практическая мысль Ульпіана. Наказаніе защитника (запрещеніемъ практики, съ исключеніемъ изъ списковъ) за неосновательный отказъ съ точностью опредѣлено въ постановленіяхъ Валентиніана и Валента, откуда перешло въ сводъ Юстиніана. Адвокатамъ предоставлена апелліція на приговоръ предсѣдателя ³.

¹ Digest. l. 1. XVI. De offic. procons. et legati. § 9.

² Dig. U. S. De off. praesidis 6.—Cp. De postulando, frag. 1. § 4.

³ Cod. Just. De postul. Cc. 1, 7.

Изъ устава для римскихъ адвокатовъ при Валентиніанѣ и Валентѣ, оказывается несомнѣннымъ, что въ IV столѣтіи наказывали адвокатовъ за злыя рѣчи и оскорбительныя выходки на судѣ¹. Неудивительно, если то-же предписаніе находится въ кодексѣ Юстиніана. Соображенія, которыя представлены по вопросу о наказаніи за отказъ отъ официальнаго назначенія, могутъ быть приложены къ спекуляціямъ покупкою исковыхъ и тяжбыныхъ претензій. Еще въ III столѣтіи, дѣйствія эти признаны противными обязанностямъ адвоката и достоинству профессіи². Къ IV столѣтію и къ тому-же памятнику законодательства, гдѣ злорѣчіе вмѣняется въ проступокъ адвокату, относится первое, извѣстное намъ, запрещеніе злоумышленныхъ и корыстныхъ проволочекъ тяжбы³.

Приведенныя постановленія исчерпываютъ весь отдѣлъ уголовныхъ и дисциплинарныхъ опредѣленій законодательства объ адвокатахъ. За предѣлами, которые попытались мы установить въ настоящемъ мѣстѣ изслѣдованія, начинается сфера общихъ преступленій. Но тамъ виновные караются съ иными цѣлями и по другимъ основаніямъ, не имѣющимъ отношенія къ профессіи.

Остается — нѣсколько замѣчаній объ отвѣтственности адвокатовъ передъ кліентами за ошибки и другія упущенія во время защиты. И въ этомъ вопросѣ, исходнымъ пунктомъ законодательнаго движенія окажутся послѣдніе годы процвѣтанія правовѣдѣнія. Императоръ Александръ Северъ (228 года) провозгласилъ начало, которое должно было съ незапамятныхъ временъ существовать въ судебной практикѣ. Рѣчь адвоката, произнесенная въ присутствіи сторонъ (или повѣренныхъ), равно-

¹ Ne in conviciandi licentiam prorumpant. Cp. Cod. Theodos. I. II. T. X. De postul. Также Cod. Justin. De postulando, c. 6. § 1.

² Ne adeo dissimulare, si quos causarum concinnatores vel redemptores deprehendat etc. (Dig. De off. procons. fragm. 9).

³ Ne ex industria jurgium protrahant.

сильна собственнымъ словамъ тяжущагося. Отсюда, въ 239 г., императоръ Гадріанъ вывелъ заключеніе, что «ошибка адвоката не должна вредить судебной истинѣ»¹. Въ концѣ того же столѣтія, Діоклетіанъ и Максимиліанъ подтвердили неточно выраженное правило. Въ началѣ IV столѣтія (320), сознаніе такого недостатка привело къ поясненію, что «ошибка не вредитъ, когда оговорена главною стороною»². Съ этимъ существеннымъ дополненіемъ законъ принять въ составъ оеодосіева кодекса, а еще позже закончено важное законоположеніе. Признано такое раздѣленіе труда, что судья исправлялъ юридическую, а стороны (или ихъ повѣренный) охраняли фактическую часть отъ погрѣшностей адвокатовъ³. Таковъ историческій ходъ правила, принятаго въ адвокатуру ново-европейскихъ народовъ. Здравомысліе и простота римскаго опредѣленія обезпечили за нимъ общее признаніе. Нельзя было, при словесномъ и гласномъ судѣ, точнѣе разрѣшить вопросъ, значеніе котораго для профессіи угадано еще въ греческой адвокатурѣ.

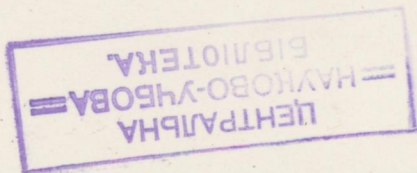
Въ коренныхъ свойствахъ цѣлаго процесса и защиты лежитъ объясненіе—почему римское законодательство оставило въ сторонѣ вопросы объ адвокатской небрежности и объ умышенномъ нанесеніи вреда кліенту? Адвокатъ былъ ораторомъ за тяжущагося или подсудимаго, но не ему принадлежало веденіе всей тяжбы (*dominium litis*). Изъ отдаленнаго времени перешло въ императорскіе суды раздѣленіе труда между юристами, принимавшими участіе въ процессѣ⁴. Адвокатъ всегда говорилъ въ присутствіи главной стороны или ея повѣреннаго. Возлѣ за-

¹ De errore advocat. Т. X. Errores eorum qui desideria, id est preces, scribunt veritati praejudicium afferre non posse, manifestum est.

² Si continuo de ipso fuerit reclamatum.

³ Ut quae desunt advocatis partium iudex suppleat.

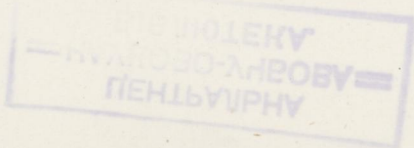
⁴ Напомнимъ здѣсь опредѣленія: Qui defendit alterum in iudicio, aut patronus dicitur etc.

щитника находились нерѣдко правовѣды, которые готовили юридическую часть дѣла, на-подобіе атторнеевъ въ Англіи или стряпчихъ во Франціи. Иногда окружали адвоката подсказчики, о которыхъ говорено выше; значить, кромѣ главнаго интересента въ дѣлѣ, обычай и законъ поставили цѣлый рядъ лицъ, которыя могли и должны были заглаживать вредныя послѣдствія отъ ошибокъ или небрежности адвокатовъ. Словесный и публичный судъ присяжныхъ въ преторскихъ инстанціяхъ отличался простотою и несложностью дѣлопроизводства. Не было письменныхъ документовъ, многочисленныхъ сроковъ и запутанныхъ тонкостей закрытаго слѣдственнаго процесса, при которомъ особенно возможны вольные и невольные проступки защитниковъ. Оттого законодательство, разрѣшивъ одинъ вопросъ, вытекавшій изъ сущности судопроизводства, не имѣло надобности предусматривать и опредѣлять многочисленные виды небрежности и другихъ упущеній со стороны адвокатовъ. Подтвержденіемъ этому служатъ, въ качествѣ контраста, подробныя постановленія о повѣренныхъ¹. Въ Римѣ уставъ всегда вызывался потребностями; законодательное правило диктовалось данными юридическими отношеніями, а не на-оборотъ (*ex jure regula fiat*).

Но съ IV столѣтія, формулярная система (*ordo judiciorum*) замѣнена была чрезвычайнымъ порядкомъ (*extra-ordinaria cognitio*). Выше показано, что въ тотъ-же моментъ обнаружился поворотъ къ письменному и закрытому судопроизводству. Система апелляцій усложнила сроки и затруднила техникой прежнюю простоту процесса. Тогда положеніе адвоката на судѣ должно было подвергнуться существеннымъ измѣненіямъ. При упадкѣ правовѣдѣнія, неоткуда было призывать помощниковъ, которые раздѣляли бы трудъ. Значить, адвокату, не ограничиваясь судебнымъ ораторствомъ, приходилось брать на себя подгото-

¹ Arg. l. 13. c. Mandati 4. 35. A procuratore dolum et omnem culpam praestandum esse juris auctoritate manifeste declaratur.

вительную работу древняго юрисконсульта. Есть положительныя свѣдѣнія, что, къ концу IV-го вѣка, въ гражданскомъ процессѣ задача адвоката сводилась къ юридическому анализу дѣла и къ словопренію съ противникомъ, безъ защитительной рѣчи (*peroratio*)¹. А отсюда было естественно отступленіе на практикѣ отъ прежняго различія между ораторомъ (*patronus*) и повѣреннымъ (*procurator*). Неодолимая сила коренныхъ измѣненій въ процессѣ произвела такую форму защиты, которая приближалась къ роли присяжнаго повѣреннаго.

По этимъ соображеніямъ, имѣемъ мы право заключить, что, въ отдѣльныхъ случаяхъ, императорскіе судьи должны были примѣнять къ защитникамъ, по аналогіи, правила объ отвѣтственности повѣренныхъ. Тогда, кромѣ ошибки (исправляемой, въ извѣстный срокъ, судьей или самимъ тяжущимся), адвокатъ могъ отвѣчать за всякій вредъ, происшедшій, по его винѣ, для кліентовъ². Позволительно думать, что мѣры императора Юстиніана клонились къ усиленію отвѣтственности адвокатовъ; стоитъ припомнить формулу присяги, которую должны были давать защитники передъ каждымъ дѣломъ³. Они клялись надъ евангеліемъ: «употребляя честныя средства, отстаивать, всею силою своихъ способностей и знаній, законныя и справедливыя интересы кліентовъ». Торжественное обѣщаніе «не упускать ни одного дозволеннаго средства» равносильно юридическому обязательству, со всеми вынудительными послѣдствіями этого от-

¹ См. *Bethman-Hollweg*, I. с. III. Anhang. Извлеченіе изъ Симмаха.

² *Nec videtur iniquum, si infirmitas culpaе adnumeretur, cum affectare quisque (id) non debeat, in quo vel intelligit vel intelligere debet, infirmitatem suam alii periculosam futuram.*

³ *Cod. J. De judiciis. L. 14. § 1. (3, 1.). Patroni causarum... iuramentum praestant quod omni quidem virtute suaque omni ope quod verum et justum existimaverint clientibus suis inferre procurabunt: nihil studii relinquentes quod sibi possibile est etc.*

ношенія. Во всякомъ случаѣ, можно допустить, что въ византійскомъ періодѣ римское законодательство благопріятствовало возможно большому расширенію гражданскаго взысканія за погрѣшности адвокатовъ (по правиламъ: *dolus*, *culpa* и даже *culpa levis*). Упущеніе со стороны защитника, который связанъ крѣпкою гарантіею присяги, не могло быть приравнено къ простой словесной ошибкѣ адвоката предъ республиканскимъ преторомъ.

Постановленіе Юстиніана объ адвокатской присягѣ имѣетъ еще другой интересъ въ исторіи учрежденія. Формула клятвы, которую давалъ защитникъ, показываетъ, какъ рѣшенъ былъ коренной вопросъ: какую практику считать честною и дозволенною для адвоката? Вмѣняя въ обязанность отказываться отъ «дурныхъ дѣлъ», послѣ принятія и даже послѣ начатія защиты (*certamine praecedente*), императорскій законъ сталъ на уровень самыхъ строгихъ моралистовъ¹. Съ одной стороны, Юстиніанъ подходитъ къ немногимъ языческимъ писателямъ, которые высказывали убѣжденіе, что «нельзя защищать дурное дѣло». Съ другой стороны, императоръ начинаетъ собою рядъ христіанскихъ мыслителей, которые идутъ длинною вереницею до казуистовъ, богослововъ и многихъ писателей новѣйшаго времени. Повелѣніе императора такъ-же безусловно, какъ силлогистическое изрѣченіе объ адвокатской практикѣ въ книгѣ средне-вѣковаго доктора Томы Аквината. Коль-скоро дѣло оказывается лживымъ, безчестнымъ и безнадежнымъ (*penitus desperata*), адвокатъ долженъ оставлять его *ipso jure*, не отвѣчая ни въ какихъ убыткахъ предъ кліентомъ. Нѣтъ права у другихъ защитниковъ браться за процессъ, отмѣченный основательнымъ отказомъ перваго адвоката².

¹ Cod. U. S. Non autem, credita sibi causa, cognito quod improba sit... patrocinauntur; sed et si certamine praecedente aliquid tale sibi cognitum fuerit, a causa recedent etc.

² Ne melioribus contemptis, improba advocatio subrogetur.

И такъ, законодательство VI-го столѣтія установило начало, по которому адвокатъ не только имѣетъ право, но обязанъ тщательно взвѣшивать предлагаемое дѣло. Ясно, что въ кодексѣ Юстиніана находится твердая историческая опора для обычаевъ адвокатуры во многихъ государствахъ новаго міра. Опираясь на формулу Юстиніана, легко было вывести такое заключеніе: рабочая комната адвоката есть частный трибуналъ, гдѣ защитѣ предпосылается строгій разборъ дѣла. Въ связи съ установленіемъ защиты по назначенію судей, такое правило даетъ разумное руководство для профессіи, которая должна согласовать собственное достоинство съ интересами кліентовъ. Последнюю цѣль несомнѣнно преслѣдуетъ еще одно предписаніе въ кодексѣ Юстиніана. Кто принялъ дѣло по убѣжденію въ его честности и справедливости, тотъ обязанъ довести свою защиту до конца. Въ противномъ случаѣ, одни законныя прятствія снимаютъ отвѣтственность съ адвоката¹.

Кромѣ этихъ законовъ, важныхъ для правилъ адвокатской профессіи, къ VI-му столѣтію принадлежатъ многія другія постановленія. Съ 521-го года, правители провинцій должны были наблюдать за неотлучнымъ пребываніемъ адвокатовъ при извѣстныхъ судахъ²; самовольные отъѣзды безъ отпуска влекли за собою потерю всѣхъ адвокатскихъ правъ и преимуществъ. Юстиніанъ дополнилъ и точнѣе выразилъ это правило, опредѣливши, что лишь двухлѣтнее отсутствіе при отпускѣ и пятилѣтнее — безъ отпуска имѣютъ тѣ послѣдствія, которыя установлены императоромъ Юстиномъ³. Интересъ этихъ законовъ заключается въ основномъ взглядѣ, что званіе адвоката должно соединять-

¹ Cod. Just. U. S. Necessitate advocatis imponenda... eam (litem) usque ad terminum implere etc.

² Ср. Cod. De advoc. div. judicum.

³ «De matricula penitus aboleatur» etc. безъ права просить когда-либо о новомъ внесеніи въ списокъ.

ся съ дѣйствительнымъ отправленіемъ профессіи. (Съ подобными понятіями и правилами будемъ мы имѣть дѣло въ исторіи ново-европейской адвокатуры).

Строгая мѣра Юстиніана заключается словами¹, откуда видно, что въ ту пору окончательно установился обычай вести перечневый списокъ или таблицу адвокатовъ. Съ половины V столѣтія, встрѣчаются императорскія постановленія объ опредѣленномъ числѣ защитниковъ при различныхъ инстанціяхъ. Префектуры Иллиріи и Востока надѣляются крупною цифрою 150 адвокатовъ². По-видимому, такой многочисленный списокъ оставался нормою для высшихъ судовъ въ провинціяхъ и въ самыхъ столицахъ. По-крайней-мѣрѣ, къ концу V столѣтія, императоръ Зенонъ подтвердилъ приведенный нами законъ Θεодосіа объ адвокатскомъ штатѣ для Иллиріи. Но можно сдѣлать слѣдующее замѣчаніе: адвокаты многочисленнѣе въ высшихъ, чѣмъ въ низшихъ инстанціяхъ; — сословіе защитниковъ многочисленнѣе въ восточныхъ, чѣмъ въ западныхъ провинціяхъ. Причины такого различія находятся подъ-рукою. Изъ нихъ одна свойственна всѣмъ вѣкамъ и народамъ: это — притягательная сила большихъ центровъ, гдѣ сосредоточился весь блескъ цивилизаціи. Немногіе провинціальныя города могли спорить съ Римомъ, подобно Бериту, славою юридическихъ школъ своихъ. Другія причины были чисто временныя и мѣстныя. Въ столицы и въ резиденціи префектовъ апелляціонный порядокъ привлекалъ всѣ важнѣйшія дѣла, отчего происходило увеличеніе и безъ того богатой практики. Есть основаніе заключать, что императоры начали раздачу адвокатскихъ привилегій съ префекторіальныхъ и другихъ высшихъ судовъ. Въ предыдущемъ изложеніи не разъ было замѣчено объ особыхъ

¹ De «matricula» penitus aboleatur etc.

² Cod. Justin. De advoc. diversor. judicior. Anno 439.

уставахъ для сословія защитниковъ въ Римѣ, гдѣ Валентиніанъ желалъ возстановить слабое подобіе безвозмезднаго патроната. Неудачная мѣра IV столѣтія во всякомъ случаѣ показываетъ, что, въ метрополіи, почетныя лица добровольно принимали на себя защиту подсудимыхъ. Изъ совокупности этихъ признаковъ слѣдуетъ выводъ, что столичная адвокатура находилась въ наиболѣе выгодномъ положеніи. Соперничество было слишкомъ неравно для городовъ второстепенныхъ и провинціальныхъ. При подобныхъ условіяхъ понятенъ тотъ приливъ адвокатовъ къ немногимъ главнымъ пунктамъ, о которомъ свидѣлствуютъ самые памятники законодательства¹.

Зло отъ неравнаго соперничества провинціальныхъ адвокатовъ съ первопрестольными усилилось подъ вліяніемъ политическихъ событій. Борьба варваровъ съ Римомъ началась на окраинахъ имперіи. Особенно страдали западныя и югозападныя провинціи, гдѣ, какъ извѣстно, хозяйничалъ вандалъ Гензерихъ. Все это достаточно объясняетъ, почему матрикулы или списки, изъ 30, 40, даже 50 адвокатовъ на востокъ, умяляются до бѣдной цифры 16, а иногда 4-хъ защитниковъ на западѣ. Послѣ погрома отъ германскихъ шаекъ, сами императоры отмѣняли иногда законы объ адвокатскихъ привилегіяхъ, допуская вольную защиту во всѣхъ судахъ, кромѣ высшихъ инстанцій.

Но не менѣе очевиденъ такой фактъ: при отсутствіи чрезвычайныхъ смутъ, которыя нарушали обычный ходъ дѣлъ, адвокатскій списокъ находился въ полномъ распоряженіи префектовъ, викаріевъ и другихъ сановниковъ, надѣленныхъ юрисдикціею. Какова бы ни была численность адвокатовъ — 150 или

¹ Cod. Theodos. De pecul. quasi castrense. Comm. *Gothofr.* «In diversis provinciis vacuas curias derelinquunt qui certatim ad privilegia, causidicis illustris praetorianae sedis atque urbanae delata festinant».

4 человека — въ таблицу вносились лишь тѣ имена, которыя одобрены начальствомъ. Существенная черта эта представляетъ собою полнѣйшее противорѣчіе вѣковымъ правиламъ наиболѣе замѣчательной адвокатуры въ западной Европѣ¹.

Въ 460 году, у императора Льва съ особенною ясностью обнаружилось стремленіе: сдѣлать адвокатовъ классомъ служилыхъ людей, устранивши всякій противовѣсъ съ ихъ стороны для дисциплинарной власти судей и правителей. Къ этой цѣли приспособлено довольно стройное распредѣленіе «сословія» въ отдѣльных обществахъ, или коллегіяхъ, при каждомъ судѣ. Появились разряды адвокатовъ штатныхъ (*statuti*) и сверхштатныхъ (*supernumerarii*). Между первыми соблюдалось старшинство по первенству внесенія въ списки. Одни штатные имѣли право на защиту дѣлъ передъ префектомъ. По-видимому, господствовало правило о пожизненномъ пребываніи штатнаго адвоката въ спискѣ. Изъ штатныхъ адвокатовъ ставились «коронные защитники» (*advocati fisci*), права и обязанности которыхъ опредѣлены еще Ульпіаномъ². Первый между штатными назывался, съ V столѣтія, старшиною (примасомъ), или деканомъ. Сверхштатные (изъ молодыхъ адвокатовъ, удовлетворившихъ испытанію) пользовались практикою при сановникахъ, которые стояли ниже префекта (отъ викаріевъ до обыкновенныхъ правителей провинцій, *rectores*)³. Но повсюду отдается предпочтеніе штатнымъ предъ сверхштатными. Даже въ послѣднемъ разрядѣ есть отличія: первенство принадлежитъ сыновьямъ штатныхъ адвокатовъ. Любопытное правило это под-

¹ «Адвокаты—хозяева своей таблицы», утверждаютъ самые авторитетные писатели во Франціи. Ср. между прочимъ *Mollot, Notice sur le tableau des avocats. Paris. 1863.*

² *Dig. 49, 14. Si fiscus alicui status controversiam facit, fisci advocatus adesse debet etc.*

³ Ср. *Cod. Just. De advoc. divers. judicior. 460.*

тверждено императорами Львомъ и Антеміемъ, въ 469 году. Тогда-же написанъ надутую византійскою латынью панегирикъ адвокатурѣ, о которомъ съ одинаковою любовью говорятъ собиратели законовъ и писатели отъ Петра Дефонтена и Гильома Дюрантія до новѣйшаго времени.

Законодательство, давшее такой полный уставъ преемникамъ вольной адвокатуры Катона и Цицерона, должно было позаботиться о привилегіяхъ. Правительство ясно высказываетъ подобный принципъ и, дѣйствуя послѣдовательно, хочетъ озолотить почетными преимуществами крѣпкій строй адвокатской коллегіи¹. Объ установленіи одной изъ привилегій (*pecul. quasi castrensis*, данной въ 422 году) сказано выше, въ связи съ законами о гонорарѣ. Въ 440 году, императоръ Θεодосій даетъ почетный титулъ (*comes*) короннымъ адвокатамъ и подтверждаетъ привилегію (*pecul. quasi castrensis*). Въ 469 году, императоры Левъ и Антеміи восстанавливаютъ право частной практики для бывшихъ адвокатовъ короны. Указомъ 472 года, почетныя преимущества и жалованье послѣднихъ предоставляются простымъ адвокатамъ иллирійской префектуры. Дѣти пользуются, въ теченіе года, жалованьемъ умершихъ родителей. Въ 496 году, по прошенію самихъ адвокатовъ азіатскихъ провинцій, раздаются имъ: «за честность и рачительность въ отношеніи кліентовъ», почетныя титулы. Жалованье, которое получали, кромѣ коронныхъ защитниковъ, простые адвокаты нѣкоторыхъ провинцій, положено въ значительныхъ размѣрахъ (600 червонцевъ) старшинѣ или декану. Дѣти его временно пользовались полнымъ окладомъ, по началу приравненія дробныхъ частей года къ цѣлому.

¹ De adv. divers. judicum: Laudabile vitaeque hominum necessarium advocacionis officium principaliter praemiis oportet remunerari etc.

V.

Теперь намъ ясенъ результатъ долгой исторической жизни знаменитаго учрежденія. Отъ закона XII таблицъ до юстиніанова свода, адвокатура прошла рядомъ послѣдовательныхъ измѣненій. Въ первые вѣка по основаніи Рима, не могла возникнуть адвокатская профессія, потому что ее замѣняла собою аристократическая привилегія патроновъ. Развитіе демократіи извлекло судебную защиту изъ рукъ могущественныхъ монополистовъ. Паденіе патроната, водвореніе законности, распространеніе юридическихъ знаній, послѣ изданія таблицъ и формулъ, создали адвокатуру. Въ республиканскомъ государствѣ съ сильною политическою жизнью, съ гласнымъ и словеснымъ судомъ присяжныхъ, учрежденіе это сдѣлалось доступнымъ для талантовъ изъ цѣлаго народа. Простые граждане, «новые люди», обезсмертили римскую трибуну. Именитые члены республиканскаго общества не находили лучшей пробы для дарованій. Въ теченіе многихъ вѣковъ, адвокатура оставалась свободною профессією — возмездною для большинства, безденежною для меньшинства защитниковъ. Плата первыхъ заключалась въ гонорарѣ. Вознагражденіемъ послѣднихъ служила тога консульская. Предъ концомъ республики, промышленное направленіе преобладало въ рядахъ защитниковъ. Они не дали корпоративнаго устройства независимому своему сословію. На первой минутѣ зарождающагося самоустроенія застигла адвокатуру гибель республики. Вся власть сосредоточилась у цезарей, которые надѣли, въ лицѣ Діоклетіана и Константина, діадему восточныхъ самодержцевъ. Тогда адвокатура обратилась — сначала въ регламентированное занятіе, а затѣмъ въ государственную должность. Сословіе защитниковъ стало разрядомъ служилыхъ людей. Судебные ораторы составили, по выраженію императоровъ

Льва и Антемія, «милицію», которая была правительственнымъ орудіемъ для извѣстныхъ цѣлей¹. Право защищать согражданъ отъ ошибокъ судебной власти, отъ посягательствъ и злоупотребленій, откуда бы ни исходили послѣднія, сдѣлалось опять привилегіей, какъ было до законовъ XII таблицъ. Но мѣсто патриціевъ заняли чиновники, которые состояли на жалованьи и передавали монопольное право свое, какъ источникъ кормленія, ближайшему потомству. Съ извѣстными оговорками, можно примѣнить въ настоящемъ случаѣ замѣчаніе Викд о періодическомъ возвращеніи сходныхъ событій въ исторіи.

Какъ смотрѣть на подобный исходъ для римской адвокатуры? Слѣдуетъ ли хвалить умиротвореніе форума правительственною дисциплиной, или позволительно произнести иное сужденіе? Извѣстно, какія причины вызвали постановленія о гонорарѣ, объ отношеніяхъ къ кліентамъ, о преступленіяхъ и проступкахъ адвокатовъ и проч. Нужно было ввести уставъ и порядокъ въ профессію, нравственное паденіе которой обозначилось съ такою яркостью въ послѣдніе годы республики. Учрежденіе, которое на-всегда осталось необходимою частью въ системѣ правосудія, не могло долѣе опираться на обычай и незапамятное преданіе. Выше было показано, какъ понимали адвокатуру знаменитые юристы II-го и III-го столѣтій. Все, что есть вѣрнаго и возвышеннаго въ постановленіяхъ о судебной защитѣ, при-мыкаетъ къ періоду Ульпіана, Модестина и др. правовѣдовъ. Но и для этихъ друзей адвокатуры извѣстная дисциплина, какъ разумное и умѣренное осуществленіе идеи порядка, была нужна на пользу самого учрежденія. Можно пожалѣть, что не всѣ императоры смотрѣли на дѣло суда и защиты подобно Траяну, Антонину, Пію и Александру Северу². Если апелліція, допу-

¹ Militant namque causarum patroni qui, gloriosae vocis confisi munimine, laborantium spes, vitam et posteros defendunt etc.

² Ср. Dig. I. XXVIII; 4; 3,—гдѣ импер. Антонинъ признаетъ

скаемая юристами съ челоуѣколюбивою мыслію о наибольшихъ обезпеченіяхъ для подсудимаго, занимала многихъ властителей Рима какъ орудіе централизаціи: то не трудно угадать взглядъ ихъ на устройство адвокатуры. По большей части цезари видѣли здѣсь одно безграничное примѣненіе дисциплинарнаго начала. Въ этомъ вопросѣ, какъ и во многихъ другихъ, имъ казались особенно цѣлесообразными такіа мѣры, которыя должны усиливать центральную власть и спасать общество отъ болѣзней своеволія. Отсюда замѣчается двойственность въ законодательствѣ. Есть отдѣльныя мѣры и правила, изъ которыхъ ясна мысль о важномъ значеніи независимой защиты. Есть и такіа законоположенія — за ними останется большинство — гдѣ устройство адвокатуры обставлено условіями, положительно вредными для свободы и достоинства защиты. Вотъ почему нельзя произносить огульныхъ и безусловныхъ приговоровъ на вопросы, постановленные выше.

До извѣстной степени, для даннаго мѣста и времени, можно признать полезнымъ вліяніе императорскаго законодательства, которое, какъ видно изъ предыдущаго, коснулось всѣхъ существенныхъ сторонъ адвокатуры. Если вспомнить положеніе городскихъ, торговыхъ и промышленныхъ корпорацій въ имперіи, то участь адвокатскихъ обществъ IV, V и VI-го столѣтій представится счастливою. Коллегіальныя связи не тяготѣ-

сторону частнаго защитника противъ короннаго адвоката по вопросу: слѣдуетъ ли считать дѣйствительными легаты, если въ завѣщаніи зачеркнуты имена главныхъ наслѣдниковъ? Императоръ не согласился на безусловное примѣненіе начала выморочности (*cum quidam haeredum nomina induxisset, et bona ejus, ut caduca, a fisco vindicarentur*). Сравн. также постановленія Траяна (*Dig. 1. 5. De poenis: absentem in criminibus damnare non debere*) съ предписаніемъ Константина (*De requirendis reis, L. 2. C.*), о безповоротной конфискаціи, по прошествіи годичнаго срока, всѣхъ имѣній отсутствующаго подсудимаго.

ли надъ защитниками, какъ муниципальныя отношенія по бук-
вѣ жестокихъ постановленій оеодосіева кодекса. Въ обществѣ,
надѣленномъ привилегіями, адвокатъ находилъ убѣжище отъ
воинской и защиту отъ тягостей городской службы; онъ не под-
вергался систематическому грабежу, какъ обыкновенные куріалы.
Сенаторы, консулы и высшіе сановники муниципій облагались побо-
рами съ имѣній своихъ¹. Они-же обязаны были подносить, фун-
тами, золото въ годовщину восшествія на престолъ². Но адвокаты
не знали никакихъ чрезвычайныхъ сборовъ. Имъ самимъ выдава-
лось иногда жалованье изъ послѣднихъ средствъ банкротскаго пра-
вительства. Преторы считали себя счастливыми, когда Аркадій
приказалъ взимать съ нихъ по 100 ф. серебра, вмѣсто 450 и 250,
на украшеніе Константинополя. Но тотъ-же императоръ забот-
ливо установилъ привилегіи для имущества адвокатовъ. Быть
можетъ, однимъ судебнымъ ораторамъ раздавались титулы (свѣт-
лѣйшаго etc.) безъ фискальной цѣли взять за невѣсомую по-
честъ увѣсистую плату золотомъ. Въ нѣкоторыхъ новеллахъ
слышенъ отголосокъ древнихъ понятій, что адвокатура есть
разсадникъ государственныхъ людей и общественныхъ дѣятелей.
До запрещенія на сардикскомъ соборѣ, адвокаты могли быть
возводимы непосредственно въ санъ епископскій³. Съ четвер-

¹ Follis, gleba etc.

² Cp. Cod. J. L. X. tit. LXXIV. «Ad collationem auri corona-
rii (иногда оно назыв. aurum oblatitium) neminem absque con-
suetudine esse cogendum», говорятъ Граціанъ, Валентиніанъ и
Оеодосій. Но позволительно считать тираническимъ обычай,
по которому Валентиніанъ взялъ съ римскихъ сенаторовъ 1,600
ф. золота въ честь десятилѣтняго юбилея своему воцаренію.

³ Seminarium dignitatum etc. Адвокаты, какъ извѣстно это изъ
исторіи римско-византійской квалификаціи, участвовали въ состав-
леніи оеодосіева свода. Постановленіе сардикскаго собора гово-
ритъ слѣдующее: Prohibetur dives v. «scholasticus e foro» episco-
pus fieri, nisi functus prius munere lectoris etc. Cp. Cod. Theo-
dos. De postul. Comm. Gothofr.

того столѣтія, когда угасли школы юристовъ, къ адвокатамъ перешла честь ученыхъ представителей правовѣдѣнія. Въ этомъ смыслѣ зовутъ ихъ «схоластиками» лучшіе писатели и самыя строгіе цѣнители той эпохи¹. Кромѣ литературы, официальные акты изобилуютъ похвалами краснорѣчію защитниковъ. Однимъ словомъ, изъ нѣсколькихъ признаковъ явственно, что адвокатура, устроенная императорами, была не послѣднимъ учрежденіемъ. Среди общаго приниженія, коллегіи судебныхъ ораторовъ пользовались извѣстнымъ значеніемъ въ обществѣ.

Есть однако-же и другія стороны въ исторіи послѣднихъ дней римской адвокатуры. Къ нимъ труднѣе относиться съ безраздѣльною похвалою. Титулы и служебное значеніе ограждали адвокатовъ отъ самовластия сборщиковъ податей. Цезарское жалованье замедляло приближеніе нищеты, которая охватывала мало-по-малу все городское и сельское населеніе имперіи. Но не было у адвокатовъ настоящей силы. Сословіе лишено условій, при которыхъ адвокатура получаетъ полное значеніе на судѣ и въ обществѣ. Съ четвертаго столѣтія, когда водворился чрезвычайный порядокъ судопроизводства, правители провинцій и префекты столицъ сдѣлались безотвѣтными господами адвокатовъ. Коллегіи ихъ, разбѣяныя безъ всякой взаимной связи по обширному государству, были крѣпкими лишь для принятія новыхъ людей. Старшинство пожизненныхъ членовъ, узаконенный nepotизмъ, обезпеченная монополія: все это должно было способствовать застою и нравственной вялости, при которыхъ невозможна борьба съ беззаконіемъ и произволомъ. Общества адвокатовъ, прикрѣпленныя къ судамъ, оказывались безпомощными при первомъ столкновеніи съ администраціями. Кто толковалъ и примѣнялъ эдиктъ при допущеніи каждаго

¹ Готофредъ приводитъ слѣдующія слова Августина: *Qui habent causam et volunt supplicare Imperatorem, quaerunt aliquem scholasticum jurisperitum a quo sibi preces componantur etc.*

кандидата? Кто владѣлъ таблицей и разсылалъ сверхштатныхъ адвокатовъ по низшимъ инстанціямъ? Отъ кого налагались годовичныя и болѣе продолжительныя запрещенія, соединенныя съ высылкою изъ провинціи? Кто давалъ отпуска и опредѣлялъ, въ случаѣ спора, гонораръ для защитника? Не примасъ, или старшина, украшенный титуломъ и получавшій шестьсотъ червонцевъ отъ казны. Не совѣтъ и не полное собраніе изъ адвокатовъ, число которыхъ доходило до 150 человекъ. У членовъ адвокатуры не видно даже совѣщательнаго голоса въ тѣхъ случаяхъ, когда требовалось пополнить составъ ихъ новыми людьми, или когда нужно было приложить мѣру дисциплинарнаго взысканія.

Не трудно угадать, чтѣ могло происходить на судахъ при подобномъ положеніи защитниковъ. Когда исчезло древнее правило частнаго обвиненія, адвокатамъ приходилось отстаивать подсудимыхъ, которыхъ привлекали къ отвѣтственности, лично или чрезъ своихъ агентовъ, губернаторы. Но если обвиненіе возникало по внушенію самовластныхъ разсчетовъ сановника? Если притязаніе кліента противорѣчило интересамъ казны или могущественной личности? Свободное слово было по меньшей мѣрѣ неумѣстнымъ предъ трибуналомъ, гдѣ засѣдалъ въ качествѣ судьи обвинитель, надѣленный безграничною властью надъ адвокатами. При подавленіи всякой независимости сословія, роль защитниковъ обращалась въ пустую формальность, безъ серьезнаго смысла для правосудія. Адвокатура теряла истинное значеніе свое предъ юстиціей и цѣлымъ обществомъ. Политическій и административный гнетъ приводилъ въ немошь юридическую силу защиты. Талантъ и независимыя убѣжденія оказывались излишними для адвокатской профессіи¹.

¹ Ср. *Bethmann-Hollweg*, I. с. III. В. S. 29 Anhang, гдѣ, любопытными извлеченіями изъ подлиннаго сочиненія Симмаха, доказано, что, безъ независимости и свободы публичнаго слова,

Но это не все. Не смотря на строгую дисциплину императорских судей и правителей, весьма мало возвысился нравственный уровень сословія. Писатель, современный Симмаху (Аммианъ Марцеллинъ), ищетъ образцовъ для честности и достоинства адвокатовъ въ преданіяхъ о Рутиліѣ, Гальбѣ, Скаврѣ, Филиппѣ и Цицеронѣ¹. «Въ настоящее время, говоритъ онъ, бродятъ повсюду толпы адвокатовъ, которые осаждаютъ богатые дома и, не хуже спартанскихъ или критскихъ ищеекъ, разыскиваютъ тяжбы». На нѣсколькихъ страницахъ описанія, явственно обозначаются у Аммиана самые непривлекательные типы. Интригующіе кляузники входятъ въ частные дома съ цѣлью запутать отношенія и получить гонораръ отъ искусственно вызванной тяжбы. Они не знаютъ опасенія сгубить миръ, потрясти уваженіе и дружбу между людьми. Самыми удобными кліентами представляются имъ богатые вдовы и сироты зажиточныхъ родителей. Жадность подобныхъ адвокатовъ ненасытна. Нищета ихъ не уменьшается никакою поживой².

Но есть и другой разрядъ защитниковъ. Это — ученые адвокаты. «Иногда выступаютъ они съ таинственнымъ видомъ, точно оракулы; иногда расточаютъ имена великихъ юристовъ и ссылаются на законы, которые погребены цѣлые вѣка тому назадъ». Не безкорыстны такіе жрецы науки. И у нихъ все пригнано на вѣсъ золота; за деньги охотно даютъ они юридическое отпущеніе

адвокатура быстро переходитъ въ мелкую практику, особенно удобную для кляузы и злоупотребленій. См. также *Tac. De oratore*, 37—39... *Quomodo nobiles equos cursus et spatia probant, sic est aliquis oratorum campus per quem nisi liberi et saluti ferantur, debilitatur et frangitur eloquentia etc.*

¹ *Amm. Marc. Lib. XXX. IV. Anno 374*: «*Oratores concitae facundiae, attenti studiis doctrinarum, ingenio, fide, copiis, ornamentisque dicendi pluribus eminebant*» etc.

² *Inter rapinas insatiabiles inopes etc.*

ніе въ убійствѣ родной матери¹. Печальная группа эта заканчивается изображеніемъ самой мелкой породы адвокатовъ. Вѣчно голодные, вползаютъ они, какъ истинные паразиты, въ зажиточные дома, рассчитывая на подачку отъ богатаго стола. Невѣжество ихъ такъ велико, что «имена Ульпіана и другихъ юристовъ принимаютъ они за названія заморскихъ рыбъ или другой иноземной сѣбди».

Таковы свойства дисциплинированныхъ защитниковъ. Самъ Марціалъ не придумалъ бы ничего болѣе жесткаго и унизительнаго. Рѣзкость красокъ возбуждала иногда сомнѣнія въ вѣрности картины (*Греллѣ-Дюмаздѣ*, 264, 265). Весьма возможно, что Марцеллинъ, лично пострадавшій отъ адвокатовъ, придалъ оттѣнокъ памфлета своему описанію. Но едва-ли историкъ IV стол. безусловно погрѣшаетъ противъ истины. Онъ принимаетъ въ расчетъ невыгодныя условія, при которыхъ должны были дѣйствовать адвокаты. Ему извѣстны интриги между членами сословія. Марцеллинъ мѣтко указываетъ на общую слабость — приписывать исключительно адвокатамъ неудачный исходъ процессовъ, которые проиграны по шаткости и неосновательности притязаній. Во всякомъ случаѣ, какъ бы мы ни разбавляли краски, онѣ удержатъ сильную долю обличительной яркости. Важно то, что къ обличенію въ литературѣ примыкаетъ косвенное обвиненіе въ самомъ законодательствѣ IV столѣтія. Императоръ Константинъ особенно заботится о строгомъ наказаніи преступныхъ адвокатовъ. Констанцій еще рѣзче угрожаетъ злоупотребленіямъ защитниковъ. «Не сокрыто отъ императорской благодати нашей (*mansuetudinem nostram*), что адвокаты весьма часто берутъ непомѣрные гонорары натурою и деньгами, нисколько не удовлетворяя своей жадности» и т. д.

¹ Et si voluntarie matrem tuam finxeris occidisse, tibi absolutio-
nem pollicentur, si te senserint esse nummatum.

И такъ, правительственная дисциплина не вылъчила адвокатуры. Самъ Марцеллинъ отыскиваетъ смягчающія обстоятельства во внутренней порчѣ, которая увеличивалась одновременно съ регламентаціею и зависимостью отъ чиновниковъ. Законодательство заботливо врачуетъ больныя мѣста. За возстановленною мѣрою Цинція слѣдуютъ другія предписанія. За подтвержденіями проконсуламъ о строгости исходятъ похвальные слова адвокатуры. Карательныя мѣры перемежаются съ изліаніемъ цезарскихъ милостей и привилегій. Съ своей точки зрѣнія, правительство усердно стремится увеличить рабочую силу учрежденія. Но роль законодателей напоминаетъ положеніе врача, когда тотъ, не постигая причины болѣзни, переходитъ отъ опасной операціи къ смягчающимъ и совершенно невиннымъ средствамъ. Главный корень зла заключался въ томъ, что убита была законная доля независимости въ адвокатуры. Политическія, общественныя и нравственныя условія времени привели къ неумѣренному примѣненію дисциплинарнаго начала¹. И кто знаетъ, что сказалъ бы Ульпіанъ, если-бы пришлось ему писать, въ V или VI столѣтіи, сочиненіе объ обязанностяхъ проконсула? Быть можетъ, многовѣковой опытъ навелъ бы на мысль о противовѣсѣ неограниченной власти чиновниковъ надъ адвокатами. Внутренняя дисциплина независимаго общества показала бы лучшимъ средствомъ противъ злоупотребленій. Не единоличная власть судьи, не бюрократическій произволъ, а самоисправление черезъ самоуправленіе способно поднять нравственное и общественное значеніе адвокатуры.—

Въ конечномъ результатѣ несомнѣненъ такой выводъ: римско-византійское законодательство не привело къ надлежащимъ результатамъ. Нѣтъ грубѣе той ошибки, когда уничтожается равенство между органами суда, обвиненія и защиты. «Вели-

¹ Dig. l. 48, Tit. XIV. Moris est advocacionibus quoque praesidis interdicere, et nonnunquam in perpetuum etc.

кія различія по состоянію между подсудимыми дѣлають необходимою полную самостоятельность адвоката въ отношеніи судей», говоритъ малоизвѣстный, но серьезный писатель ¹. «Тогда только можно поддерживать слабого и ставить преграду злымъ страстямъ сильнаго. Нѣтъ гражданской свободы безъ независимости защитниковъ. Въ гордомъ достоинствѣ нашихъ правилъ заключается то важное ручательство для всего общества, что каждый притѣснитель встрѣтитъ себѣ противника въ адвокатурѣ». Между тѣмъ многія мѣры, которыя предписаны цезарями IV-го, V-го и VI-го столѣтій, указываютъ на устраненіе всего, что возвышаетъ до желаннаго уровня адвокатуру.

Говоря такимъ образомъ, мы не забываемъ, что деспотизмъ, вызванный силою историческихъ обстоятельствъ, едва-ли могъ идти иными путями къ своимъ цѣлямъ. Римская имперія сумѣла только продлить послѣднія минуты общества, которое не обновилось силою самого христіанства. Многія учрежденія, необходимыя для благоустроеннаго общежитія, нуждались въ болѣе крѣпкой закладкѣ руками германо-романскихъ народовъ.

Сличеніе съ судебною защитой у восточныхъ народовъ и въ Греціи обнаруживаетъ полную самобытность римской адвокатуры. Многія племена востока и запада, древняго и новаго міра, сошлись на коренныхъ началахъ гласнаго, словеснаго и народнаго суда. Исторія должна признать, съ этой стороны, извѣстное единство въ разнообразіи учреждений у индусовъ, евреевъ, грековъ, римлянъ и германцевъ. Трудно однако-же доказывать слѣдующія положенія: а) публичный и словесный судъ механически заимствовался изъ одной гражданственности въ другую; б) въ частности, адвокатура взята римлянами изъ того-же греческаго источника, откуда старое преданіе выводило законъ XII таблицъ. Подобныя теоріи все рѣже и рѣже находятъ себѣ

¹ Charrié, Méditations sur le barreau.

защиту; всеобщая исторія законодательствъ и сравнительное народовѣдѣніе опровергаютъ ихъ на развитіи простѣйшихъ учрежденій семейнаго права. Тѣмъ законнѣе избѣгать такого взгляда, касаясь учрежденія, которое можно назвать своеобразнымъ плодомъ богатой и утонченной гражданственности.

До сихъ поръ господствуетъ мнѣніе, что адвокатура, невозможная при деспотизмѣ, непременно появится во всемъ блескѣ, гдѣ только водворится политическая свобода. «Каково государство, такова адвокатура» — утверждаютъ многіе почтенные прагматики. Судьбы греческой адвокатуры требуютъ нѣкоторыхъ оговорокъ для этого, въ большинствѣ случаевъ, вѣрнаго положенія. Демократія и полная публичность народнаго суда не создали такого института судебной защиты, какого бы можно было ожидать отъ стройныхъ республиканскихъ учрежденій въ Аѣинахъ. Безсиліе однихъ судей разяснять, съ различныхъ сторонъ, каждое дѣло и необходимость для этой цѣли адвокатовъ оказались ясными для грековъ лишь въ послѣднія минуты ихъ гражданственности. Потому-то можно сказать, не погрѣшая противъ истины, что римлянамъ нечего было заимствовать изъ Греціи, — и что адвокатура требуетъ для себя весьма трудныхъ сочетаній. Политическая свобода, гласный и словесный судъ, сложное законодательство, юридическія способности народа, сильное хозяйственное и торговое развитіе съ неизбѣжнымъ столкновеніемъ имущественныхъ интересовъ, умѣнье примирить общій порядокъ съ независимостью отдѣльныхъ лицъ: такія условія, вромѣ многихъ другихъ, представляютъ удобную среду для адвокатуры. Выше было указано, что значительная доля ихъ существовала въ лучшую пору республиканскаго Рима. Не говоря о востокѣ, отношеніе гражданъ къ государству въ Римѣ указываетъ на большее признаніе автономіи отдѣльныхъ лицъ, чѣмъ въ Греціи. Съ увеличившеюся важною частныхъ интересовъ, возвысилось значеніе способовъ къ ихъ защитѣ.

Возникла настоящая потребность создать и усовершенствовать адвокатуру. И здѣсь-то юридическій гений квинтовъ подсказалъ тѣ средства къ устроению судебной защиты, которыя упушены изъ виду, отъ Солона и Платона до Аристотеля, всѣми законодателями и мыслителями Греціи.

На-сколько удалось Риму выполнить эту важную задачу, — должно быть видно изъ предыдущаго изложенія. Достоинства и недостатки римской адвокатуры не изглаживаются отъ сравненія съ соотвѣтственными учрежденіями у другихъ народовъ. Трудно отрицать творческую силу римлянъ, наблюдая, какъ слаба идея и до- чего неправильны формы судебной защиты въ прочихъ обществахъ древняго міра. Не легко однако-же признать римскихъ адвокатовъ и устройство ихъ безупречными образцами для потомства. Нравственная крѣпость многихъ правилъ не выкупаетъ частыхъ нарушеній морали въ дѣйствительности. Вѣрность юридическаго анализа при законодательномъ построеніи нѣкоторыхъ отдѣльныхъ частей не закрываетъ недостатка учреждений, какъ одного цѣлаго.

По странной игрѣ исторіи, жизнь римской адвокатуры протекла главнымъ образомъ между двумя крайностями — неограниченною свободою и безпредѣльною регламентаціею. До Цицерона, не замѣтно никакой ассоціаціи между защитниками; они не знаютъ надъ собою иной сдержки, кромѣ общихъ законовъ государства и немногихъ правилъ своей профессіи. За Цицерономъ и послѣ паденія республики, сейчасъ-же совершается переходъ къ такому порядку, что, по словамъ Тацита, адвокаты не смѣютъ произнести ни единого слова безъ разрѣшенія цезарскаго чиновника. Скоро промелькнулъ свѣтлый промежутокъ Антониновъ и Северовъ. Отъ конца IV-го до половины V-го столѣтія, вполне готово учрежденіе, охарактеризованное выше: коллегіи изъ служившихъ защитниковъ, безъ всякихъ признаковъ внутренней независимости.

Здѣсь-то, въ отсутствіи средней мѣры между двумя крайностями, скрывается главный корень многихъ слабостей и пороковъ римской адвокатуры. Есть, въ настоящее время, не мало людей, которые отстаиваютъ такую теорію: по ихъ мнѣнію, выдѣленіе профессіи защитниковъ устанавливаетъ привилегію, а потому несогласно съ прогрессивнымъ устройствомъ государства. Сильное общество изъ адвокатовъ еще болѣе нарушаетъ строгое равенство гражданъ передъ закономъ и свободу труда. Значить, лучше всего откинуть излишнюю заботу объ устройствѣ специальныхъ защитниковъ. Пусть каждый, кто не умѣетъ отстоять себя, поручаетъ это дѣло любому изъ согражданъ. Да и для самихъ защитниковъ (изъ частныхъ людей) выгоднѣе освободиться отъ корпоративныхъ связей, стѣсняющихъ дорогое и неотчуждаемое право личной свободы.

Но есть и другія мнѣнія. Въ нихъ развивается противоположное воззрѣніе, очень близкое къ отрицательному взгляду на адвокатуру у казуистовъ, бюрократовъ и иныхъ доктринеровъ. Логика ихъ такова: сословіе, которое держится кляузой, корыстью, лицемерною фразой, не должно имѣть никакой самостоятельности. Регламентация и строгій надзоръ правительства — единственные средства устроить защиту, полезную для всего общества.

Даже одна исторія древней и особенно римской адвокатуры можетъ вызвать нѣсколько соображеній для оцѣнки двухъ противопоставленныхъ мнѣній. Порядокъ, по которому защита поручается первому, кто способенъ произнести нѣсколько ясныхъ словъ, совпадаетъ съ патріархальнымъ состояніемъ общества. Такъ было у евреевъ, грековъ и у самихъ римлянъ, когда Библія, Ливій и другіе источники выводятъ передъ нами защитниковъ изъ « князей земли », изъ родичей или друзей. Въ ту пору не возникали вопросы о спеціальной годности адвокатовъ. Простота господствовала въ юридическихъ отноше-

ніяхъ. Но примѣры Греціи и Рима доказываютъ, что подобный порядокъ не могъ удержаться при первомъ поступательномъ движеніи гражданственности. Усложненіе умственныхъ, государственныхъ и всѣхъ другихъ интересовъ произвело соотвѣтственное измѣненіе въ законодательствѣ и въ судебныхъ учрежденіяхъ. Явилось обособленіе труда въ самыхъ различныхъ отрасляхъ, и никакія препятствія не могли отстранить того-же явленія въ области правосудія. Неправильная форма аѳинской адвокатуры, какъ показано выше, произошла отъ борьбы запрещенія съ могущественною потребностію въ спеціалистахъ защиты. У римлянъ не было подобныхъ задержекъ. Отсюда республиканская адвокатура въ Римѣ представляетъ иное зрѣлище, чѣмъ въ Аѳинахъ.

И такъ, адвокатура, какъ отдѣльная профессія, есть прямое и необходимое послѣдствіе прогресса. Усилившаяся трудность адвокатской обязанности ставить на первомъ планѣ вопросъ о способностяхъ. А съ этимъ требованіемъ неразрывно связана провѣрка нравственного и умственного ценза. Вотъ почему современная профессія защитниковъ имѣетъ полное основаніе опереться на такое правило: адвокатура можетъ быть открыта лишь для того, кто признанъ способнымъ, по строгому и осмотрительному рѣшенію спеціалистовъ. Подобное ограниченіе безусловной свободы до сихъ поръ вполне удовлетворяетъ законнымъ интересамъ общества. Важное правило это очень рано начали понимать въ римской адвокатурѣ. Но практическое приложеніе его встрѣтило препятствіе въ недостаточной организаціи и слабомъ общеніи между защитниками республиканскаго періода. Что касается временъ имперіи, то здѣсь, какъ видно изъ предыдущаго, закрѣпощеніе ораторовъ передало въ руки администраціи весь надзоръ за адвокатскою таблицею.

Вообще, изъ цѣлой римской исторіи можно вывести такое заключеніе: самостоятельное устройство, съ крѣпкою связью и

самоуправленіемъ въ сословіи защитниковъ, полезно и даже необходимо для адвокатуры. Отсутствіемъ внутренней дисциплины въ значительной степени объясняются открытые подкупы судей, фальшивыя завѣщанія Гортензія и многія другія излишества въ республиканскомъ періодѣ. Не менѣе поучительны судьбы адвокатуры при императорахъ. Строгость внѣшней дисциплины и правительственныхъ мѣръ не уменьшила зла, а только ослабила судебную силу защиты. Вотъ почему, при законодательномъ устроеніи института, слѣдуетъ принимать въ соображеніе, кромѣ юридической, общественную и политическую сторону вопроса. Указываютъ на медицинскую профессію и выставляютъ неорганизованность ея примѣромъ для адвокатовъ. Но уподобленіе одного занятія другому не можетъ идти далѣе общаго мѣста о врачеваніи юридическихъ болѣзней. Медики имѣютъ дѣло съ безотвѣтною физическою природою человѣка. Адвокатъ на каждомъ шагѣ встрѣчаетъ общественное зло, которое почти всегда связано съ эгоистическими интересами отдѣльныхъ лицъ, цѣлыхъ классовъ и корпорацій. Отказъ отъ защиты подобныхъ интересовъ значительно облегчается, когда адвокатъ имѣетъ за собою многочисленное, сильное и независимое общество изъ людей одного занятія. Если же своя воля или необходимость отдастъ въ руки дѣло, опасное для безкорыстія или достоинства защитника, — и тогда товарищамъ ближе и удобнѣе узнать: на сколько устоялъ адвокатъ противъ искушенія? Съ другой стороны, судебная защита незначительнаго кліента можетъ быть ведена противъ могущественнаго истца или преступника. Адвокатъ оспариваетъ иногда притязанія казны; нападаетъ на дѣйствія административныхъ чиновниковъ. Онъ находится, при современномъ порядкѣ судопроизводства, въ неминуемомъ столкновеніи съ вліятельными органами публичнаго обвиненія. Наконецъ, передъ защитникомъ висится сильно-устроенное и многовластное сословіе судей. Однимъ словомъ, вся дѣятельность

адвоката представляет собою борьбу, если не «противъ», то «посреди» объединенныхъ силъ и могущественныхъ вліяній. Не нужно чрезмѣрныхъ усилій воображенія, не требуется особыхъ историческихъ знаній, чтобы понять, до какой напряженности можетъ доходить подобная борьба. Спрашивается: выгодно ли и здѣсь адвокату опереться на крѣпкій союзъ изъ товарищей по занятію? Полезно ли обществу имѣть независимыхъ защитниковъ для устраненія возможныхъ ошибокъ на судѣ и злоупотребленій въ администраціи? Отрицаніе законно лишь при глубокомъ убѣжденіи, что неравенство между органами судопроизводства лучше всего обезпечиваетъ правосудіе въ образованныхъ государствахъ.

Изъ примѣровъ римской исторіи не менѣе очевиденъ другой выводъ. Своеволіе республиканскихъ защитниковъ и бесполезные указы IV, V и VI столѣтій доказываютъ, что достоинство адвокатуры настоятельно требуетъ строгаго суда равныхъ равными за проступки противъ адвокатской нравственности. Оставить безнаказанными скандалы, описанные древними сатириками и другими писателями, значило бы погубить честь и общественное значеніе сословія. Полномочіе для судебной власти и администраціи вмѣшиваться въ жизнь сословія, за стѣнами трибуналовъ, нарушаетъ коренныя начала адвокатуры и вообще не достигаетъ цѣли. Крайній перевѣсъ чиновниковъ развелъ марцеллиновскихъ защитниковъ-паразитовъ въ римскомъ обществѣ. Сходная причина вызвала не менѣе отрицательныя явленія, гораздо позже, во многихъ земляхъ западной Европы. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, строгій и дѣйствительный судъ надъ безнравственностію адвокатовъ возможенъ только для товарищей. Но отправленіе такого правосудія немыслимо безъ соединенія въ отдѣльное, независимое общество. Пользу подобнаго порядка убѣдительно докажетъ исторія адвокатуры у нѣкоторыхъ народовъ германо-романской отрасли.

Наконецъ, устройство, которое допускаетъ крѣпкую связь между защитниками, представляетъ ту выгоду, что сближаетъ людей одного дѣла. Обмѣнъ мыслей, знаній и опыта даетъ благодѣтельные результаты для различныхъ поколѣній адвокатовъ. Въ Римѣ можно наблюдать нѣчто подобное, когда открытая и вольная жизнь форума собрала къ одному средоточію лучшихъ юристовъ и ораторовъ. Имперія уничтожила форумъ, во многомъ успѣшно замѣнявшій современную конференцію, съ ея серьезнымъ толкованіемъ адвокатскихъ обязанностей, съ оживленными и часто возвышенными преніями о различныхъ вопросахъ частнаго и публичнаго права. Тогда, не смотря на строгую дисциплину, упала рабочая сила адвокатуры. Вѣлое прозябаніе подневольныхъ коллегій IV, V и VI столѣтій не представило никакой замѣны тому, что явственно изъ образцовыхъ разсужденій Тацита и Цицерона.

Такимъ образомъ даже изученіе древней (особенно римской адвокатуры) проливаетъ извѣстный свѣтъ на вопросы, которые имѣютъ практическое значеніе для настоящаго времени. Не принимая на себя законодательной роли, исторія уясняетъ многовѣчный опытъ, а нерѣдко — вѣковыя ошибки у первенцовъ гражданственности. Въ этомъ — заслуга, достоинство и привлекательность всеобъемлющей науки. Въ настоящемъ случаѣ, примѣры Греціи и Рима сильно колеблютъ крайнія мнѣнія, одинаково вредныя для успѣха адвокатуры. Учрежденіе это до сихъ поръ нуждается въ твердомъ и правильномъ устройствѣ, которое должно быть ограждено отъ всякихъ постороннихъ вторженій. Въ подобномъ порядкѣ главнымъ образомъ заключается сущность свободной, или независимой, адвокатуры. Нужно много измѣненій въ цѣлой гражданственности, прежде чѣмъ устранить особую профессію съ тою внутреннею дисциплиной, бѣлая крѣпость которой могла бы сдѣлать образцовымъ учрежденіемъ адвокатуру республиканскаго Рима. Полнѣйшая поли-

тическая терпимость, глубокое знакомство образованных гражданъ съ крайне-упрощеннымъ законодательствомъ, свобода ассоціацій во всѣхъ отрасляхъ труда: такія условія, не говоря о многихъ другихъ, способны облегчать переходъ къ вольной адвокатурѣ. Но, по многимъ признакамъ, достиженіе подобной цѣли на-долго останется предметомъ честныхъ утопій. «Стоить найти государство, гдѣ никто не грѣшитъ, и тогда адвокаты окажутся столь-же излишними для невиннаго, какъ врачи для вѣчно-здороваго народа», замѣчаетъ Тацитъ.—Съ другой стороны, требуется не малое приниженіе современной гражданственности, чтобы прилагать къ устройству адвокатуры теорію, разбитую примѣромъ римско-византійскихъ законовъ и учреждений.

